

Copyright © 2022 by Academic Publishing House *Researcher*

Published in the Russian Federation
European Researcher. Series A
Has been issued since 2010.
E-ISSN 2224-0136
2022. 13(1): 16-41

DOI: 10.13187/er.2022.1.16
www.erjournal.ru

Culture of Ryazan-Oka Burial Grounds. Results of the study of the Undrich Complex

Aleksandr P. Gavrilov ^a, Aleksandr S. Semenov ^{a, *}

^a Russian Academy of Natural Sciences, Russian Federation

^b Project «DNA History of Russia», Russian Federation

Abstract

The study of the culture of the Ryazan-Oka burial grounds, or as it has been called more often lately, the Ryazan-Oka culture has been more than 100 years old. Its main area was the Middle Oka banks, with a significant tendency to dominate in the Volga-Oka interfluvium from the first centuries AD until the 60s of the VII century AD. This work is the first to study the DNA of the Ryazan-Oka people in the context of migration and ethnic processes. The team of authors try to find a way for the application of DNA research in archaeology to find the correlations of different ethnic processes in the history of the area.

The DNA data demonstrates the differentiated character of external connections of Ryazan-Oka culture. Some lineages showed the connection with Siberia-Perm region (what correlates well with the existence of Sargat sources of the culture), with the Black Sea region (what correlates well with the presence in the culture the descendant of meotes or aorses). The specific attention should be given to the lineages which are connected with the North-Western part of Russian plain and the Baltic shore. This allows study further the possible connection of Ryazan-Oka culture and the formation of ancient Rus military society.

Keywords: DNA, Y-haplogroup, Ryazan-Oka culture, Shilovo, Goths, ancient burials, Ugro-Finns, proto-Slavs.

1. Введение

В поисках механизма взаимодействия этнических процессов и археологических культур в статье используется подход «импульса» для изучения исторических миграционных процессов. В статье он применен для изучения древностей культуры рязано-окских могильников. Импульс (культурный) понимается как суммарный кумулятивный эффект движения системы в той или иной среде. Данный подход был выбран, поскольку направление миграций народов не всегда совпадает с движением отдельных типов предметов, которые перемещаются благодаря торговле, воинским набегам, культурой экспансии.

2. Обсуждение и результаты

Миграционная картина по археологическим материалам

Термин «Рязано-окский импульс» впервые применил Владимир Ставицкий (Ставицкий, 2017: 17). Находки и публикации последних лет показали высокую степень вовлеченности

* Corresponding author

E-mail addresses: semyonov1980@mail.ru (A.S. Semenov), museum2008@rambler.ru (A.P. Gavrilov)

рязано-окцев в культурные и исторические процессы, происходящие в восточной Европе, в период Великого Переселения Народов (Гавритухин, Обломский, 2007: 391).

Перелом в изучении культуры рязано-окских могильников наступил, когда было доказано что в числе их предков – люди оставившие памятники типа Андреевского кургана, найденного в Среднем Поволжье (Ахмедов, Белоцерковская, 1998). В.В. Гришаков и С.Э. Зубов пришли к выводу, что грунтовые погребения Андреевского кургана были оставлены зауральской (угорско-иранской) группой мигрантов, вполне вероятно носителей саргатской культуры, состоящей в основном из мужчин-воинов, впитавших пьяноборские традиции (в погребениях Андреевского кургана «первого поколения»). По мнению С.Э. Зубова – это «военные выплески», источником которых могло быть пограничье Татарии и Башкирии, где в настоящий момент изучается более ранний памятник II-I вв. до н.э. – Кипчаковский могильник, в материалах которого представлено множество прототипов андреевско-писеральских древностей (Зубов, 1998). Последующие погребения, по их мнению, иллюстрируют процесс «растворения» пришельцев в местной (городецкой) этнокультурной среде (Гришаков, Зубов, 2009: 93-94).

В это время ряд городецких городищ прекращает существование, что маркируется двушипными наконечниками стрел и дротиков. А.В. Арциховский сравнивал их со стрелами из римских лагерей Дунайского лимеса 1-3 вв. н.э. Имеются множественные находки на памятниках городецкой и дяковской культур. Принципиально важно, что эти наконечники появляются в Поочье одновременно с носителями культуры рязано-окских могильников. Чаще всего, эти наконечники найдены во рвах и на валах. Ряд авторов склонны связать их присутствие со значимым для Средней Оки событием, I-III вв. н.э. – собственно, самим появлением культуры рязано-окских могильников (Kazanski, 1988).

Первоначально на городецких и дяковских городищах появляются трёхпёрые малые наконечники стрел с небольшим количеством втульчатых, двушипных. Затем прокатывается волна с массивными втульчатыми и черешковыми стрелами, а атрибутами последней волны стали городища с инвентарём, уже близким кошибеевскому могильнику, с погибшими от пластинчатых, двушипных наконечников, как бы вырубленных из листа. Городецкое население Рязанщины было в кратчайшие сроки ассимилировано пришельцами.

Важным элементом материальной культуры Андреевского могильника и началом рязано-окского импульса стали фибулы типа «Avcissa», которые являлись символом римских солдат-ауксилариев составляющих Ауксиллии (лат. auxilia) – вспомогательные войска древнеримской армии, набравшиеся из чужеземцев. В этих войсках, вероятно и служили первоначально андреевцы, а затем и рязано-окцы.

По мнению К.Ф. Смирнова в первые века нашей эры происходит контакт, установление коммуникаций между финно-угорским населением и сарматоязычными «аорсами». Как сообщает Страбон, «те аорсы, которые жили между Меотидой и Каспийским морем, были беглецы из среды ныне живущих выше народов», т.е. выходцы из каких-то более отдаленных «северных» земель» (Смирнов, 1984: 16).

Это не противоречит саргатским корням, но отчасти говорит о постзарубенецком и меотском субстрате, участии в сложении предков рязано-окцев населения, среди которого так же бытовали двушипные дротики (Марченко, Лимберис, 2011: 132-133).

Имя Аорсов созвучно с Арсами, жителями Арсании или Артании, как возможно именовалось государство, возникшее чуть позже на Средней Оке (или по всему пути их следования). Интересно созвучие с именем скандинавских «Асов» которые, по мнению исследователя Тура Хейердала, вышли в качестве народа Одина, из-под Азова (Хейердал, 2008). В контексте созвучия имени аорсов с «росами» или «русами» в результате дальнейших исследований расширятся и наши знания о происхождении русской народности.

Л.Н. Гумилев говорил о продвижении сибирских народов через всю Евразию на север Европы, что, по сути, и привело к появлению финно-угров на территории современной Финляндии и Эстонии и отчасти вызвало к жизни движение готов на юг или же сочеталось с ним. По сути, мы сейчас можем лишь констатировать некое слияние этих импульсов, а не их природу.

Суммарный анализ накопленных материалов последних лет свидетельствует, что непосредственно рязано-окский импульс на Рязанщине проходил в несколько этапов.

Первоначально в процессе продвижения сарматских племён происходит небольшой приток пьяноборских и римских вещей на городецкие памятники Среднего Поочья. Затем происходит процесс сложение Кошибеевской культуры, в IV веке приходит население, тесно контактирующие с готами, хотя возможно хронология не до конца точна, и это событие трудноотделимо от событий V века, когда какая-то часть очень высоко милитаризованного населения вновь приходит сюда уже с «гунскими» элементами в своей культуре. Волна этого импульса начинает доминировать в Волго-окском междуречье (Гавритухин, Обломский, 2007). Подобно маятнику в IV веке она качнулась в сторону Прикамья, что в Поволжье привело к закреплению некой фратрии, приведшей к возникновению марийцев, имеющих полный набор культурных индикаторов рязано-окского типа, и продвижению на левый берег Волги балтских топонимов (Гришаков, 2008: 101-102). Благодаря находке рязано-окских вещей в Волго-окском междуречье фиксируется активность рязано-окцев в направлении регионов верхнего Поочья, Москворечья и Волго-Клязьминского междуречья в конце IV – начале V вв. и во второй половине V в. н.э. Начало же этого процесса, судя по всему, относится еще к рубежу III-IV вв., когда отдельные коллективы рязано-окского населения достигают районов Суздальского Ополья. Имеются они и в районе Тулы. Судя по всему, вплоть до середины VII в. рязано-окцы занимали доминирующее положение в системе культур этого района Центральной России (Ахмедов, 2007; Ахмедов, 2012; Ахмедов, 2020; Макаров и др., 2012)

Новые изменения происходят в V веке. И.В. Белоцерковская выделяет горизонт захоронений погибших людей в V веке, ставших жертвами военных столкновений во второй половине V века (Белоцерковская, 2012: 60). «Вернувшийся» рязано-окский импульс впитал в себя множество гунских импортов. События этого времени, вероятно, отражены в «Гетике» Иордана, где упоминаются народы «мордва» и «меря» в Мещере (Ярцев, 2014). Вероятно, завершился этот процесс сложением Варварского королевства на Средней Оке. Этот процесс сопровождается появлением центрально-европейских импортов (поясные гарнитуры, элементы упряжи, крестовидные диадемы, мода ношения парных мечей и пр.), все они включаются в местную моду и окончательно формируют облик рязано-окской культуры на её пике существования. И.Р. Ахмедов и М.М. Казанский считают это началом серьёзных этнических изменений и появлением инокультурных групп населения, пришедших с территории центральной Европы (возможно, готской аристократии, бежавшей после войны за власть потомков Атиллы) (Ахмедов, 2004). Что в итоге привело ее к доминирующему положению в системе культур Центральной России (Ахмедов, 2007; Ахмедов, 2012; Макаров и др., 2012).

На рубеже VI – первой половины VII в. начинает возрастать пассионарность рязано-окского импульса в «домашнем регионе» Волго-окского междуречья. Сохраняются связи с Северным Причерноморьем (Крымскими готами) и Северным Кавказом, находившимися в сфере византийского влияния. Поясные наборы приобретают на первый взгляд тенденции, характерные для Поволжья и Приуралья, с выделением статусных индикаторов, общих для всего кочевнического мира (Ахмедов, 2014: 164). Однако вкупе с находками мечей с Р-видными скобами и иранскими (сасанидскими) шлемами это говорит о связях, уходящих в зарождающийся арабский мир и гибнущий мир Персидской империи, через тюрков и авар. Присутствие в Волго-окском междуречье позволяло контролировать течение Оки и контакты Европы сначала с персидским, а затем с арабским миром (транзит серебра, мехов).

Описание основных «импортов» комплекса и объекта Ундрих

Могильник на дюне Ундрих был открыт в 1895 году Городцовым В.А., отметившим значительные разрушения. В 1929 году осматривался Шиловским краеведом Л.А. Кленовым. Около 35 лет тому назад поверхность дюны была засажена лесом. Лесонасаждение сопровождалось интенсивным перепахиванием верхних горизонтов почвы: культурный слой на поселении Борок-10 полностью перемешан, а наиболее мелкие могилы, прежде всего, детские, были разрушены. Вновь памятник был обнаружен А.Н. Гавриловым в 1976 году, благодаря информации, полученной от жителей села Борок Евгения Захаркина и Юрия Климова. Памятник находится в междуречье р. Пара и р. Тырница, правых притоков р. Ока, и представляет из себя уникальную археологическую зону (Рисунок 1), включающую в себя поселения, городище, крепость, два святилища и несколько могильников.

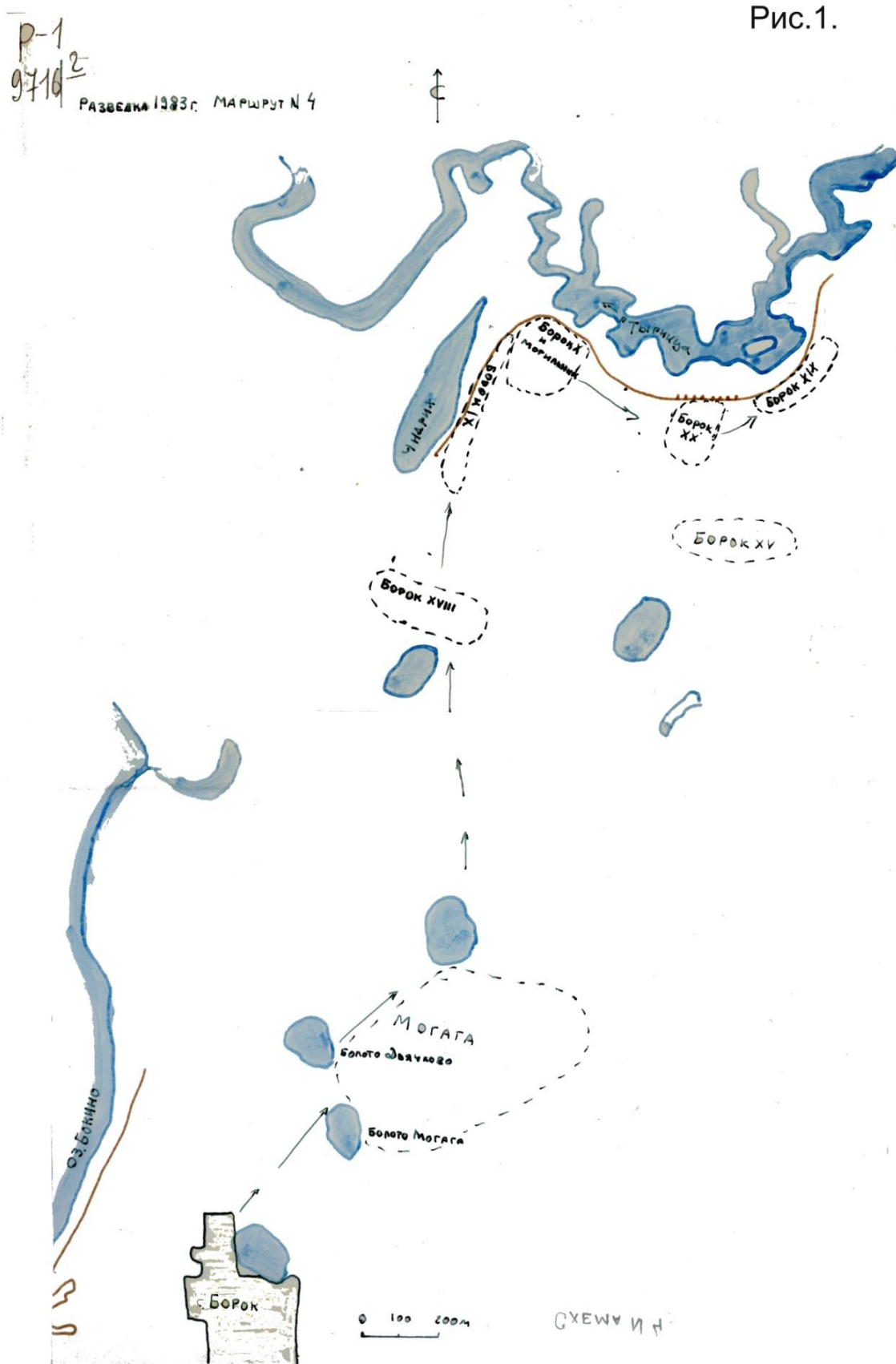

Рис. 1. Ситуационный план обследования междуречья р.Пара и р.Тырница А.Н. Гавриловым, 1983 год. (А. Н. Гаврилов)

С районом дюны Ундрих у жителей Борка связано много народных поверий, но для полного понимания причин, приведших к разрушению памятника, важно отметить следующее. Во-первых, с Ундрихом связана местная легенда о сокровищах, найти которые время от времени делались и делаются попытки. Во-вторых, бытует мнение, что если выкопать здесь яму, прожечь ее костром, а затем устроить в этой яме лежку, то можно излечиться от ревматизма, радикулита и подобных заболеваний. Ундрих всегда считался чудодейственным местом, где «и песок особый, и необыкновенные чудодейственные корни растут». Среди прочих легенд, хочется отметить, рассказ о том, что на Ундрихе жила мордва, и их девки ходили к Борковским «Прясть шерсть». Так же говорится и о кладах, что мордва оставила на Ундрихе. Все эти рассказы привели к тому, что район могильника посещается с различными целями большим количеством людей, в основном – жителей окрестных сел. В результате таких посещений уже к 1978 году на северной оконечности могильника насчитывалось до 40 ям разных размеров и конфигурации. В 1978 году могильник осматривался А.Н. Гавриловым. Была составлена подробная докладная записка в областное отделение ВООПИК о состоянии памятника. Ямы, грозившие разрушением могильнику, были засыпаны.

В 1979 году на могильнике и поселении Борок-10 исследования были продолжены. Произведена фотосъемка, топоъемка, сделана зачистка обнажения, собран подъемный материал. По материалам разведки составлен паспорт.

В том же 1979 году начаты раскопки могильника экспедицией Рязанского историко-архитектурного музея-заповедника (автор раскопок – Макаров М.М.). Вскрыта площадь в 130 кв. м., найдено 20 погребений.

В 1981 году раскопки могильника Макаровым М.М. были продолжены: на площади около 187 кв. м. вскрыто еще 27 погребений.

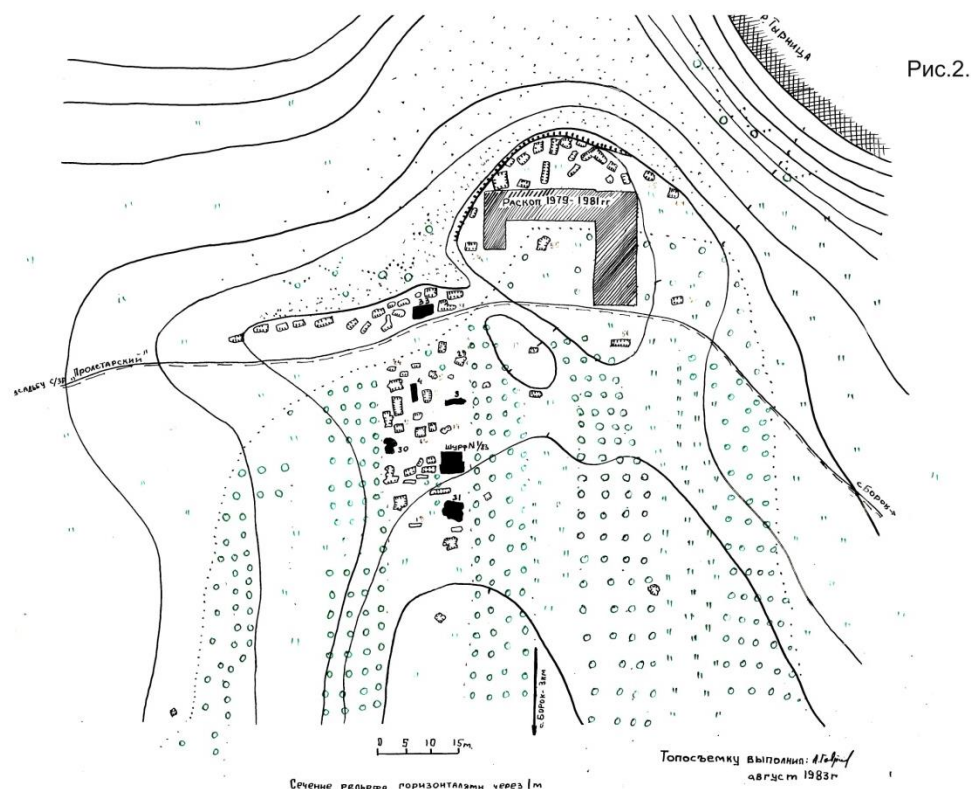

Рис.2.

Рис. 2. План могильника Ундрих, 1983 (А. Н. Гаврилов)

Раскопки привлекли внимание не только жителей окрестных сел, но и коллекционеров древности из Рязани, Шилова. С 1982 года в районное отделение ВООПИК и Шиловский краеведческий музей стали поступать сведения об участившихся случаях самовольных раскопок. В мае-июне 1983 года памятник подвергся особенно сильным разрушениям,

причем кладоискательские ямы вскрыли могилы, расположенные за пределами той ориентировочной границы могильника, которая была намечена по работам А.Н. Гаврилова и М.М. Макарова. А.Н. Гаврилов обратился в областное отделение ВООПИК с предложениями по организации охранных раскопок могильника. По плану, поддержанному М.М. Макаровым, работы должны были производиться А.Н. Гавриловым на средства ВООПИК. Однако, предложения эти были отклонены, и Гаврилову А.Н. было предложено ограничиться разведкой могильника (Рисунок 2) и наметить участки, пригодные для проведения раскопок в 1984 г. В ходе разведки шурфом был вскрыт небольшой участок, расширивший представления о размере могильника (Рисунок 3). В силу комплексного подхода автора разведки к исследованию объекта, была собрана подборка антропологических образцов, послужившая материалом для наших исследований. Далее дадим их краткое описание.

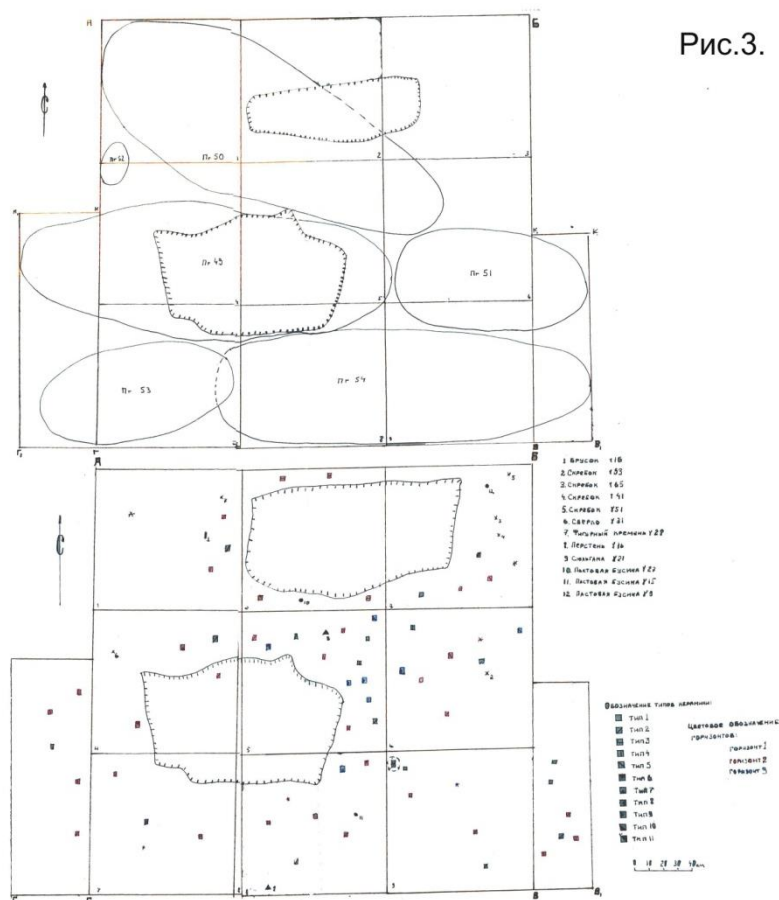

Рис. 3. План раскопа 1983 года (А. Н. Гаврилов)

Яма 3

В комплексе разрушенного мужского погребения ямы 3 (Рисунок 4) присутствует сильно прогнутая шпора (Рисунок 4.4). Подобные шпоры относятся к позднеримским, максимально распространенным в IV веке (Ebert, 1926: 356-357). Присутствуют наконечник ремня постсарматского типа (Рисунок 4.6), а также рязано-окская крестовидная фибула (Рисунок 4.3), которая традиционно относится рядом авторов к этническим и статусным предметом культуры рязано-окских могильников (Ахмедов, 2016: 232), в совокупности с фрагментом ремня, шириной 3 см, с круглыми умбовидными бляшками. По краю умбона – насечки. Бляшки крепятся при помощи штифтиков. По совокупности «импортов», ареал деятельности носителя очерчивается как Причерноморье-Центральная Европа-Прикаспий.

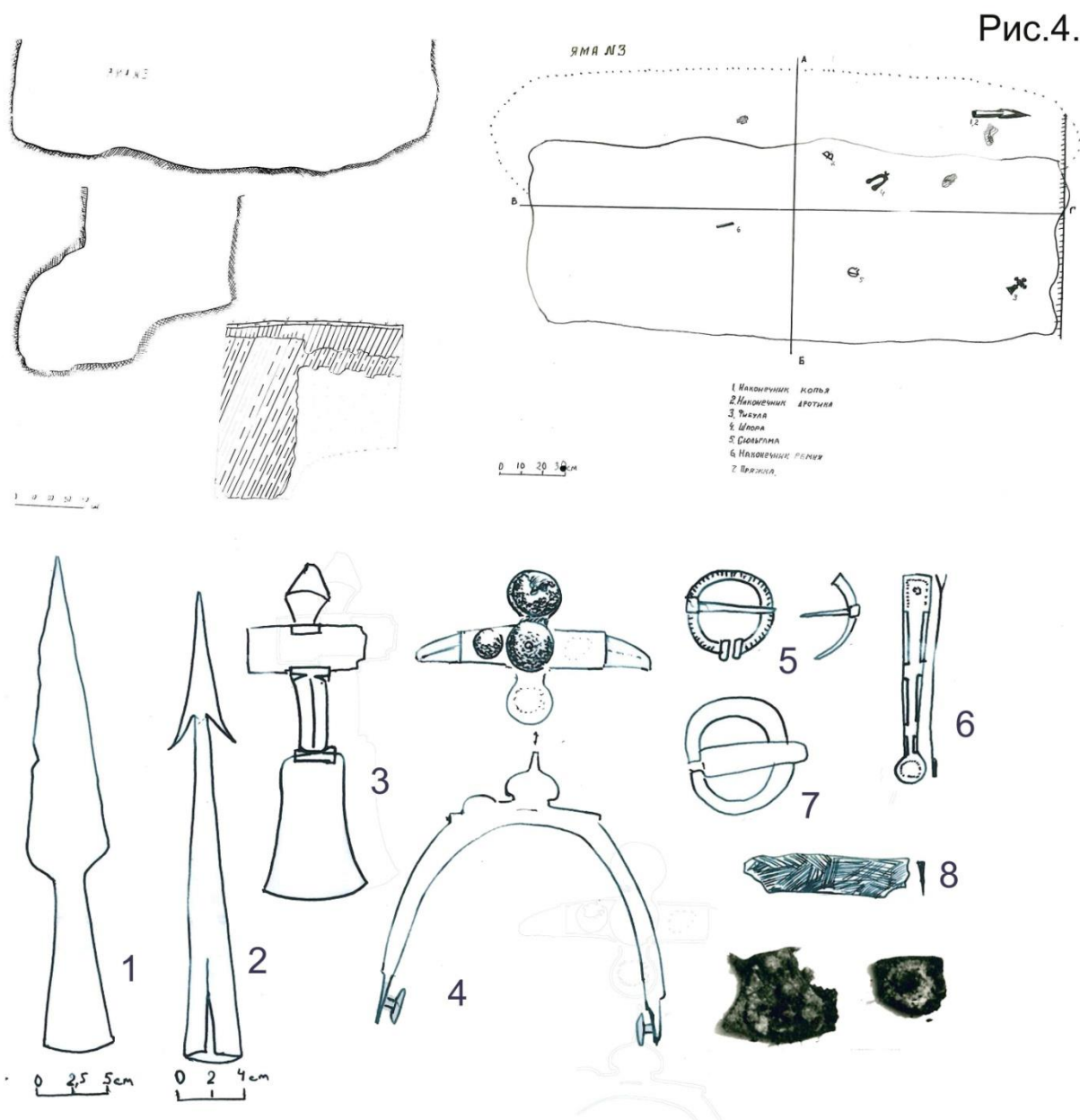

Рис. 4. Яма №3. 1 – наконечник копья, 2 – наконечник дротика, 3 – фибула, 4 – шпора, 5 – сьюльгама, 6 – наконечник ремня, 7 – пряжка, 8 – фрагмент ножа. (Рис. А.Н. Гаврилов)

Яма 30

Основной набор погребения характерен для средне-окских захоронений (Рисунок 5) финно-угорского круга, исключение составляет серьга (Рисунок 5.8) с гладким и недекорированным многогранником в форме куба со скошенными шестнадцатью гранями, длина которых невелика и не превышает 0,7 см. Многогранник выполнен с четкими и прямыми гранями, острыми ребрами. Размеры кольца от 1,7х1,8 до 3,4х3,7 см. Самые ранние серьги этого варианта были обнаружены на могильнике Лучистое, в склепе 41, а также в Алонии, на Боспоре, в Заморском, Сиреновой бухте, Старожилово I, Танаисе и Фанагории. Найденные в закрытых комплексах, они достаточно точно датируются первой половиной V века. Второй половиной этого столетия датируются серьги с литым многогранником из Лучистого. К первой половине VI века относятся серьги из могильника Карши-Баир I и II из склепа 110 в Лучистом. В первом случае серьги выявлены вместе с фибулами-брошами в форме цикады второй половины V – первой половины VI вв. и пряжкой с овальным

кольцом и щитком первой половины VI столетия. В Лучистом рассматриваемые изделия были датированы через овальную массивную пряжку, бытовавшую в Западной Европе в государстве Меровингов в 470/480-520/530 гг. и у жителей Подунавья в конце V – первой половине VI вв.

Серьги варианта этого типа делали из золота, серебра и бронзы. Золотые серьги найдены только в комплексах первой половины V в., выявленных на территории Боспорского царства. По наблюдению И.А. Сапрыкиной, золотые серьги с многогранником из Фанагории изготовлены литьем в составной форме с последующей ковкой. После отливки заготовка дорабатывалась зубильцем, которым с боковых участков многогранника под углом срезались небольшие треугольные грани. Литая проволоочная дужка серьги перед выгибанием ковалась. Место перехода от многогранника к дужке серьги обрабатывалось резцом. Золото, из которого сделаны серьги, характеризуется большой вариабельностью содержания серебра, что во многом объясняется использованием переплавленного лома ювелирных украшений. Интересно, что почти половина серег с многогранником из боспорских погребений V в. выполнена из золота. Остальные боспорские серьги этого времени сделаны, в основном, из серебра. Пара серег первой половины V в. из Керчи отлита из серебра и позолочена. Однотипные украшения второй половины V – VI вв. изготовлены из бронзы. Происходящие из Юго-Западного Крыма серьги этого варианта выполнены из серебра и бронзы (Хайрединова, 2014: 421-424).

Данный предмет импорта, свидетельствует о широких культурных связях, рязанокцев на юге восточной Европы, и, возможно, причастность погребенной к группе мигрантов V века или контактёров с ними.

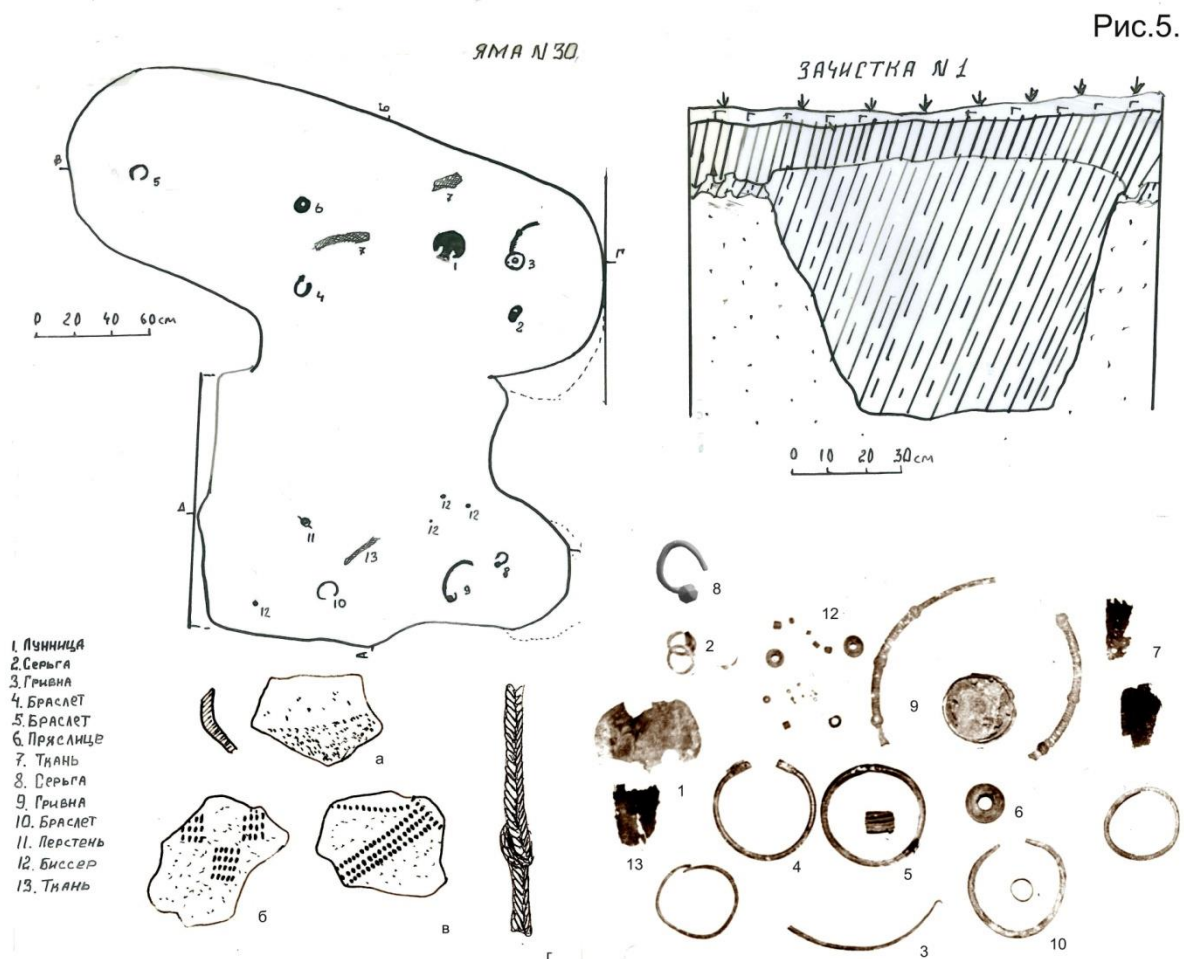

Рис.5.

Рис. 5. Яма №30. 1 – лунница, 2 – серьга, 3 – гривна, 4 – браслет, 5 – браслет, 6 – пряслице, 7 – ткань, 8 – серьга, 9 – гривна, 10 – браслет, 11 – перстень, 12 – бисер, 13 – ткань (Рис. А.Н. Гаврилов).

Яма 31

Яма (Рисунок 6) содержала несколько разрушенных погребений. Мужское погребение из этой ямы, вероятно, относилось к элите рязано-окского общества первого социального круга по классификации И.Р.Ахмедова («вождь»). Помимо прочих находок достаточно отметить В-образные вставные петли и зооморфные зажимы от псалий уздечного набора (Рисунок 6.а). Общий облик изображений животных (лошадей, лосей или драконов?) представляет собой упрощённый вариант зооморфных изображений из погребения Arahida, погребения 1782 в Krefeld-Geller, погребения короля Хильдерика, погребения 319 в Lavoye (Périn, 1995; L'Or, 2000). Эти наборы не являются единичными предметами западного импорта в Центральной России. Существует целый пласт находок, и в первую очередь относящихся к предметам воинского обихода, второй половины V – начала VI в., свидетельствующий о вовлечённости этого региона в события эпохи распада гуннской державы и образования «варварских» королевств (Казанский, 1999). Что довольно точно маркирует центрально-европейский импульс. Так в погребении 31 (которое входит в большой родовой ряд с погребением 33) яма, вероятно, разрушила семейную группу, и поэтому уместно упомянуть происходящую из неё подвеску ведёрковидной формы (Рисунок 6.б). Из материалов десятков изученных погребений носителей культуры рязано-окских могильников, их известно всего 6 находок. Две происходят из материалов погребений Кораблино 16 и Заречье 99 (Белоцерковская, 2012: 60), три найдено на этом же могильнике Ундрих, и одна подвеска происходит из случайных сборов с могильника 2 у с. Борок. Эти подвески появляются на памятниках Северного Причерноморья с конца II–I вв. до н.э. (Котигорошко, 1987; Бажан, Каргопольцев, 1989). Известны они и на территории вельбарской и пшеворской культур (Бажан, Каргопольцев, 1989). Близкие по форме подвески получили широкое распространение в черняховских могильниках Долиняны, Ружичанка, Данчены, Косаново, Оселивка, Горошевцы, Лохвицком, Ромашки, Сосново и др. (Бажан, Гей, 1992; Шаров, 1992; Родинкова, 2007). Миграцией откуда их и следует считать. И.Р. Ахмедов, проанализировав весь массив ныне сделанных находок, допускает их длительное использование в ойкумене как реликтов, в 1-й пол. – сер. V в. до сер. – 3-й четв. VII в. (Ахмедов, 2020: 158).

Примечательно, что в силу высокой сакральности этих подвесок в рязанских находках, вернее предположить их распространение вместе с носителями черняховской или же мощинской культуры, нежели как «привозной» предмет заимствования.

Яма 33

Погребенный мужчина (Рисунок 7) относится к элите рязано-окского общества по своему уровню дифференциации и почти наверняка относился к жреческому сословию, по включению в него «даров» в берестяном туеске (Гаврилов, 2022).

Наиболее типичной в погребении является X-видная медная накладка (Рисунок 7.9), ставшая прародителем целой серии подобных накладок с орлиными головами на Рязанщине. Литые и прессованные из фольги аналогичные накладки известны в сборах на территории могильника Ундрих, Борок-2 и т.д. Все эти подражания, возможно, имеют местное происхождение (о чём свидетельствует находка матрицы для их штампованного производства, на городище Белые Бугры), условно мы их относим к типам 5, 6, 7. В то же время, по внешнему облику бляшка из погребения 33 близка к накладкам из погребения 525 могильника Борок-2, их отличает наличие клювовидных выступов на уплощенных окончаниях. Эти бляшки могут быть дальнейшим развитием накладок гуннского времени, относимых исследователями к типу «Копуловка». Этот тип широко распространен в Восточной Европе, и имитирует образцы римского производства. К нему, вероятно, относится и накладка из 33 ямы (аналоги: находки в Сент-Ирине, Трапейн-Ло и др.). Сводка этих находок была опубликована в 1993 г. М.М. Казанским (Kazanski, 1993). И.Р. Ахмедов считает, что, судя по всему, появление этих элементов поясного набора осуществлялось через продвинувшихся в Верхнее Поочье носителей центрально-европейских традиций (Ахмедов, 2014: 164). Интереснейшей находкой этого погребения являются остатки берестяного туеска (Рисунок 7 к.) со знаками (Гаврилов, 1985: 50-51). Предварительный анализ знаков показал, что знаки находятся на предметах в погребениях,

связанных с миграционными процессами и предварительно были отнесены к ранней группе готских рун (Гаврилов, 2018).

Заметим, что внутри туеска был положен комплект украшений, напоминающих женские, а рядом с погребенным мужчиной было второе женское захоронение (то есть его жены). Что позволяет предположить сакральный характер украшений в мужском погребении, указывающий на жреческое сословие и воспоминания о древних культах женского начала. Историографически – это, так называемые погребения с дарами (Белоцерковская, 1997: 20-28).

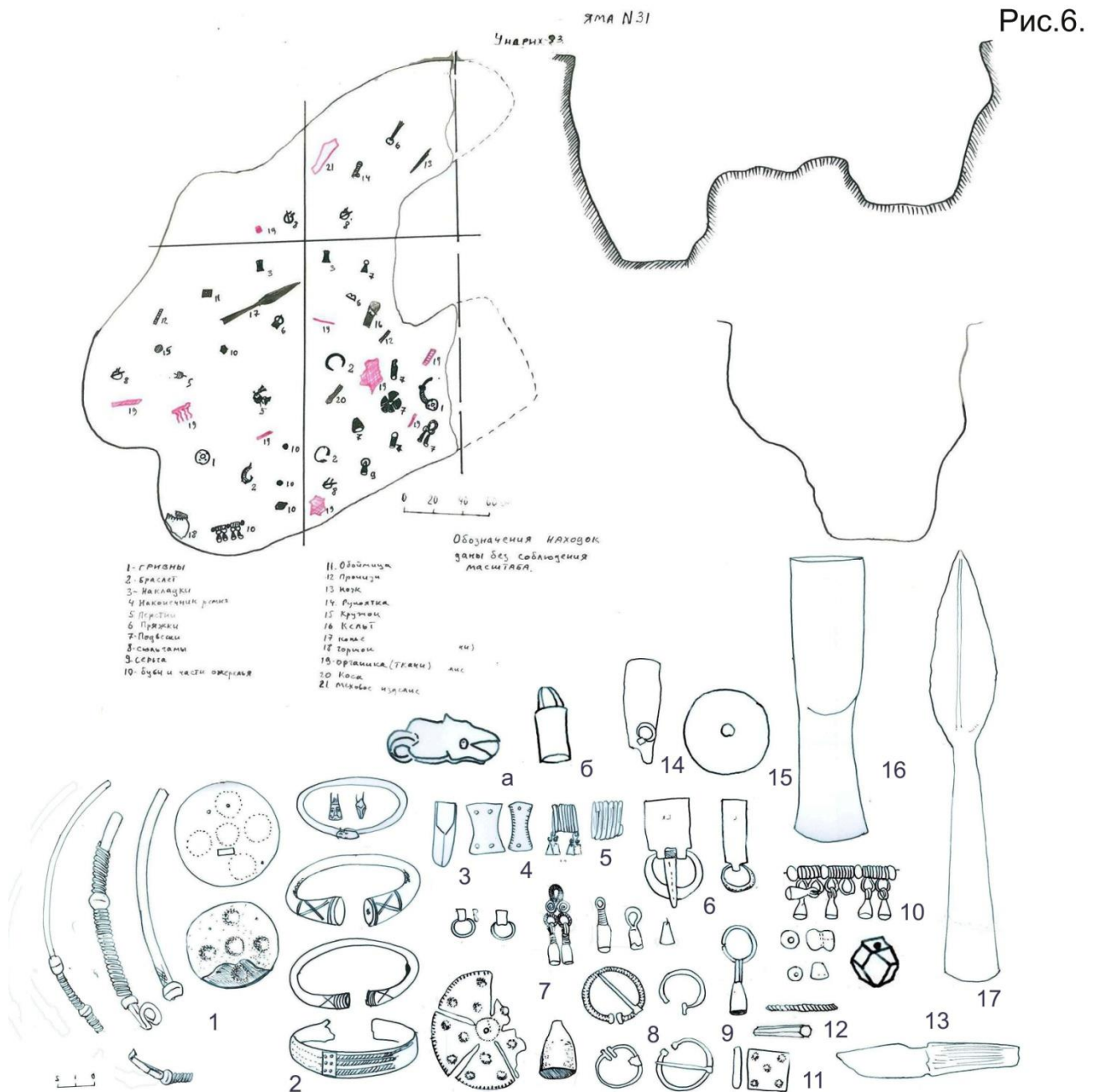

Рис. 6. Яма 31. 1 – гривны, 2 – браслет, 3 – накладки, 4 – наконечники ремня, 5 – перстни, 6 – пряжки, 7 – подвески, 8 – сьюльгамы, 9 – серьга, 10 – бусы, части ожерелья, 11 – обоймица, 12 – пронизи, 13 – нож, 14 – рукоятка, 15 – кружок, 16 – кельт, 17 – копье, 18 – горшок, 19 – органика (ткани), 20 – коса, 21 – меховые изделия. (Рис. А.Н. Гаврилов)

Рис.7.

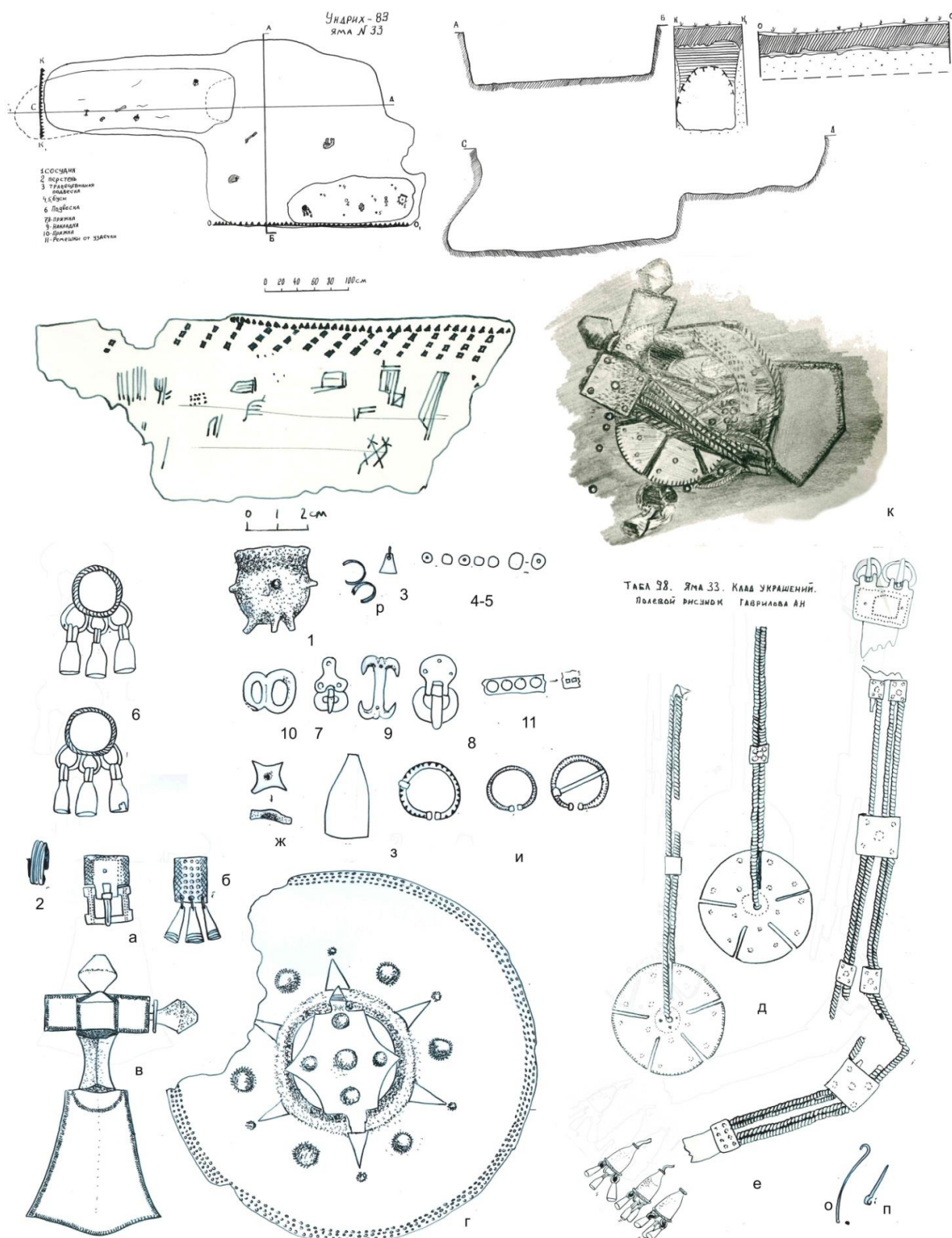

Рис. 7. Яма № 33. 1 – сосудик, 2 – перстень, 3 – трапецевидная подвеска, 4,5 –бусы, 6 – подвеска, 7,8 – пряжка, 9 – накладка, 10 – пряжка, 11– ремешки от уздечки. (Рис. А.Н. Гаврилов)

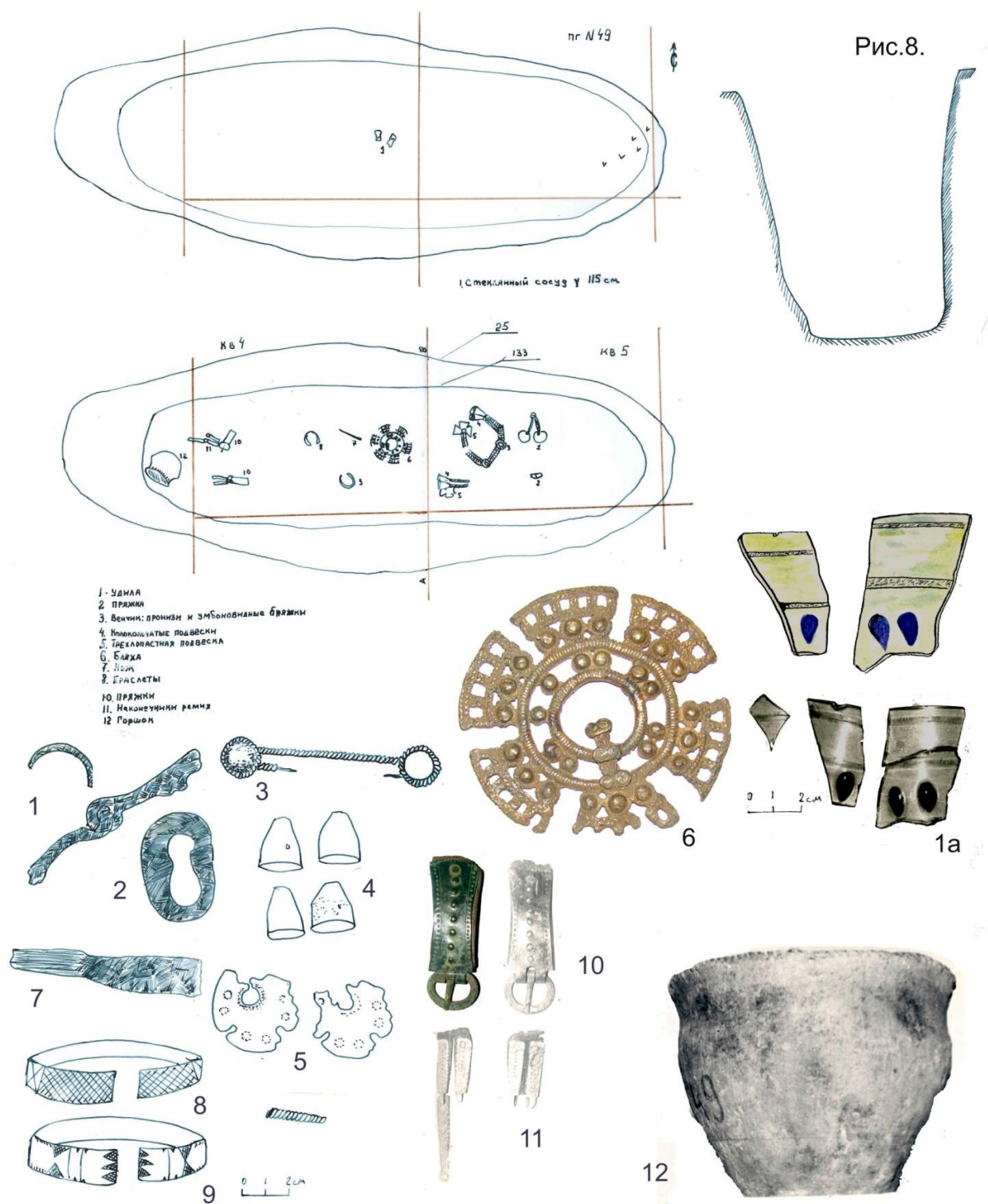

Рис. 8. Погребение № 49. 1 – удила, 2 – пряжка, 3 – венчик: пронызы и умбоовидные бляшки, 4 – колокольчатые подвески, 5 – трехлопастная подвеска, 6 – бляха, 7 – нож, 8 – браслеты, 9 – фрагмент стеклянного сосуда, 10 – пряжки, 11 – наконечники ремня, 12 – горшок. (Рис. А.Н. Гаврилов)

Погребение 49

Инвентарь этого погребения типичен для женского захоронения IV века (Рисунок 8). В то же время, внешне погребальный обряд этого комплекса несёт в себе пережиток ранних

миграционных процессов культуры рязано-окских могильников, так как это всадническое погребение с уздой и ножными пряжками. Выбивающейся чертой из женского комплекса является глиняный сосуд в ногах погребенного, что обычно характерно для мужских комплексов. Объяснение этому дали исследования ДНК образца из этой могилы, которые показали, что погребенный в пг.49 был мужчиной. Подобный биритуализм известен в материалах культуры рязано-окских могильников (Гаврилов, 2022). Не исключено, что это явление своими корнями уходит в «саргатское прошлое» части предков рязано-окской культуры. Так В.А. Могильников, отметил однообразие погребального инвентаря, которое «затрудняет половое разграничение погребенных» (Могильников, 1992: 292-312). Возможно, данное захоронение отражает процесс «перехода» жреческих функций в рязано-окской среде от женщины к мужчине, известного по сходным процессам у сармат в III веке нашей эры (Шевченко, 2006: 141-154). Там этот процесс наглядно рассмотрен на примере помещения сперва в женские, а потом и мужские захоронения, ритуальных треножников. Отметим, что треножники и факелы имеют место в материалах культуры рязано-окских могильников из находок на Ундрихе Городищенском (Гаврилов, Конов, 2020: 60-67) могильниках, а так же на Тереховском городище. Не исключено что на примере этого погребения мы видим переход жреческих функций от женщин к мужчинам, происшедший уже в V веке (на примере опубликованного здесь же погребения с берестяным туеском, Ундрих-83, яма 33) в рамках так называемого погребения «с дарами», которые представляют собой рабочую жреческую одежду (Гаврилов, 2022). Примечательно, что, входя в одну родовую группу, погребение 49 и мужское захоронение из 33 ямы хронологически структурированы, так что погребение 49 явно на поколение или более, древнее захоронения из 33 ямы. Это являет нам развитие жреческой традиции, от более матриархального облика полной имитации, ритуального перевоплощения мужчины в женский костюм в IV веке (связанного с сарматскими традициями), до более патриархального биритуального погребального набора в V-VI веках с рудиментарными элементами женского костюма.

Уместно вспомнить этнографическую аналогию Рязанщины 19-20-го века, где колдовство было прерогативой женщин, но для мужчин существовала возможность «поколдовать» одев женскую одежду. Поясная гарнитура, и уздечные пряжки так же имеют множественные центрально-европейские аналоги.

Отметим, что в засыпке погребения присутствовали фрагменты разбитого сосуда из прозрачного стекла с синими глазками (Рисунок 8.1а). Они традиционно связаны в Восточной Европе с материалами черняховской культуры, в которой найдены не только сосуды и кубки, но и шлакированное стекло, свидетельствующие о возможном готском производстве, а не только о римских и германских импортах (Сымонович, 1963: 80-83).

Фрагменты стекла можно отнести к сосудам типа конических кубков (иногда их определяют как лампы) с синими налечами. Такие сосуды известны по всей Европе и в Средиземноморье в гуннское время и несколько позднее (обзор дискуссии на эту тему см. (Гавритухин, 2007)). Ближайшей же аналогией коническому кубку из Брута являются сосуды из погребения 10 могильника Лермонтовская скала 2 (Рунич, 1976) и из могилы 2 могильника Гиляч (Минаева, 1982), где они зафиксированы вместе с материалами не ранее середины V в.

Погребение 50

Погребение воина, всадника (Рисунок 9) впервые аннотировано и опубликовано И.Р. Ахмедовым в 2007 году (Ахмедов, 2007: 137-185), который относит его к периоду 3А, выделяя его по комплексам в следующую группу (Погребение 75 из могильника Кошибеево, погребение 50 – Ундрих, погребение 265 – Борок 2) (Ахмедов, 2007: 137-185).

В погребении найден двулезвийный меч (Рисунок 9.17), плоский в сечении. Черешок – брусковидный, со штифтиком для крепления рукоятки. Длина меча – 89,5 см.

Данный меч находит близкие аналоги среди мечей третьего типа, по классификации А.П. Гаврилова, из рязанско-окских могильников Борок-2 и Ундрих. Все эти мечи имеют четко очерченный черешок с выразительными плечиками при переходе к клинку, уплощенное в сечении лезвие с практически параллельными гранями по большей части его длины, которые резко сужаются у окончания. Длина клинков рязанских мечей в рабочей

части составляет около 70 см, а общая длина – порядка 85 – 100 см при ширине лезвия у основания 4,5 см.

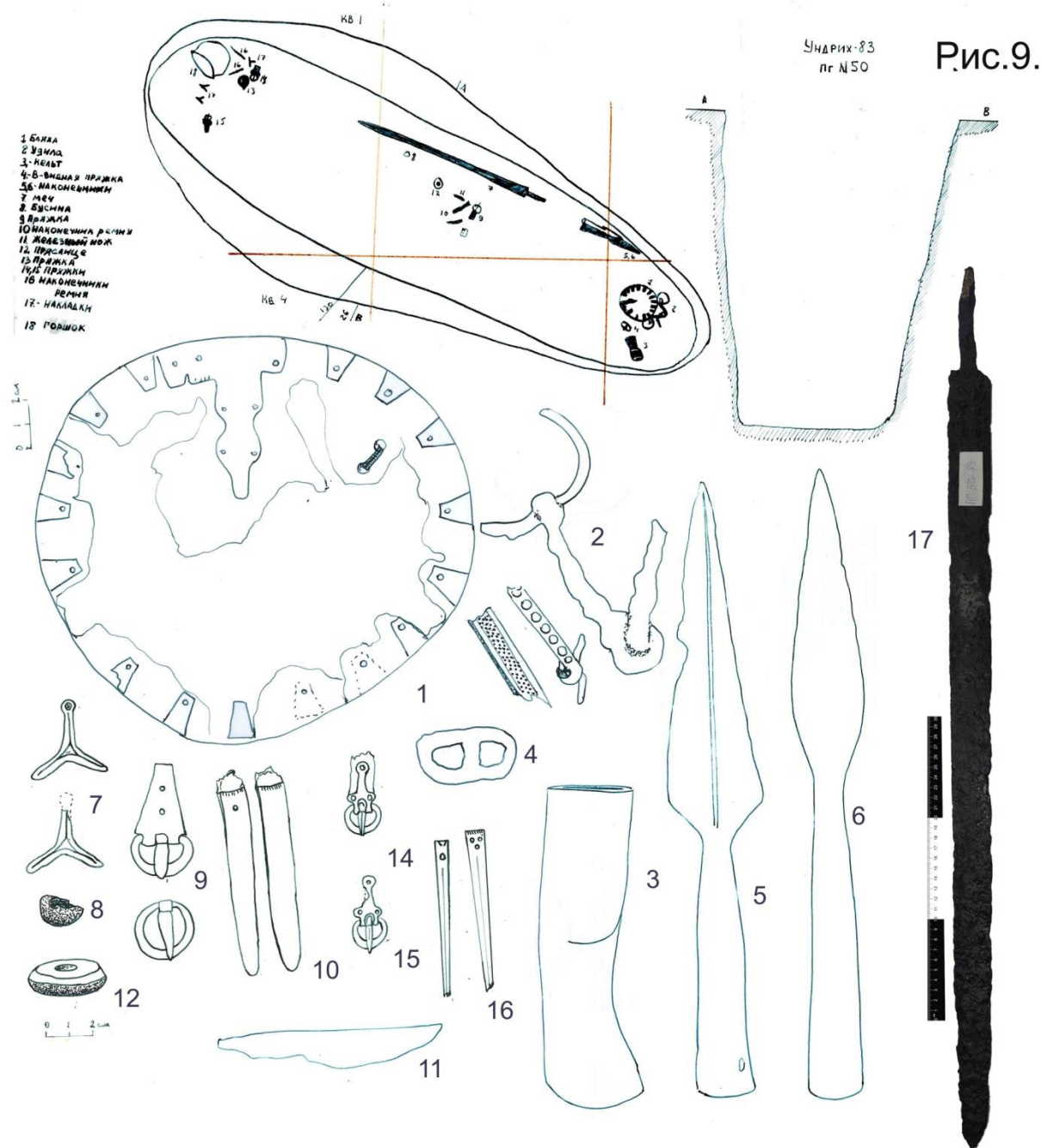

Рис.9.

Учарик-83
гр. №50

- 1 Бляха
- 2 Удила
- 3 Кельт
- 4 В-видная пряжка
- 5,6 Наконечники
- 7 меч
- 8 Бусина
- 9 Пряжка
- 10 Наконечники ремня
- 11 Железный нож
- 12 Пряслице
- 13 Пряжка
- 14, 15 Пряжки
- 16 Наконечники ремня
- 17 Накладки
- 18 Горшок

Рис. 9. Погребение №50. 1 – бляха, 2 – удила, 3 – кельт, 4 – В-видная пряжка, 5,6 – наконечники, 7 – меч, 8 – бусина, 9 – пряжка, 10 – наконечники ремня, 11 – железный нож, 12 – пряслице, 13 – пряжка, 14, 15 – пряжки, 16 – наконечники ремня, 17 – накладки, 18 – горшок. (Рис. А.Н. Гаврилов)

Рядом находилась развалившаяся крупная бусина-привеска из черного непрозрачного стекла. Бусины вместе с мечами – обычное явление для Восточной Европы IV-VI века. Так, например, в Азелинском могильнике стеклянные или халцедоновые бусины обнаружены в 11 погребениях (44 % от всех находок мечей). Обычно бытует версия использования бусины в качестве темлячной подвески. Что отличает их от крупных уплощённых янтарных реже бронзовых бусин на бронзовом штифте, которые могли использоваться и как навершия

(Голдина, Липина, 2015). В Европе IV–VI века эти бусы являются устойчивой принадлежностью фурнитуры меча.

Традиция использовать в гарнитуре портупей мечей крупные бусины-подвески известна в степной зоне Восточной Европы с середины II в. и, в целом, восходит к азиатской традиции, где мечи с портупеями этих конструкций используются вплоть до VII–VIII вв. (Безуглов, 2000)

Можно отметить меч со схожими бусинами из Кошибеевского могильника раскопок 1901 года (Mastykova, 1997: 80–81), который отчасти свидетельствует о распространении этой традиции в Европу из варварского постсарматского мира.

В составе комплекса присутствовала деревянная чаша или предмет с бронзовыми накладками (Рисунок 9.1), наконечниками ремней (Рисунок 9.10), выполненными в виде коробочки, обувные наборы с пряжками со слегка выступающим двускатным язычком. Близкие появляются в финале фазы С3 и становятся ведущими типами фазы D1 в памятниках южной Польши, Чехии и Словакии по общеевропейской хронологии (Tejral, 1986; Tejral, 1997).

Пряжки, аналогичные пряжкам пг.50 (Рисунок 9.9), ровно как и поясные наконечники, происходят из богатого погребения в Муслумово в Башкирии (Засецкая, 1994).

Совокупность инвентаря позволяет датировать комплекс рубежом IV–V вв. (Ахмедов, 2007: 137–185), что соответствует сведениям письменных источников о крупном походе гуннов в Закавказье в 395 г., возможно, затронувшем и восточно-иранские провинции. Эти данные позволяют предположить, что поволжское население было вовлечено в эти события, а погребения этого горизонта являются репером внутри периода 3А (Ахмедов, 2007: 137–185), который в целом соответствует фазе D1 по Я. Тейралу (370–410 гг.).

Рисунки 10 и 11 иллюстрируют материалы и керамические фрагменты комплекса.

Предварительный ДНК-анализ материалов захоронения

Работа по определению Y-гаплогрупп индивидуумов из памятника Ундрих была проведена в ООО «ДНК-наследие» в 2018–2021 годах на средства частных инвесторов, и была оформлена единым договором №ДНК-Ла/02-22 от 01.02.2022 ТЗ №3 от 01.03.2022. Координатором исследования выступил проект «ДНК-история России». Ввиду малого количества костного материала и высокой степени деградации ДНК было получено лишь подмножество из 27 возможных Y-STR маркеров для всех образцов. Для определения гаплогруппы использовались авторские интерпретации («ДНК-история России»).

ДНК была извлечена методом, основанном на колонках SiO₂. Полученную ДНК анализировали с помощью стандартных молекулярно-генетических методов. С помощью набора реагентов Yfiler™ Plus PCR Amplification Kit (Thermo Fisher Scientific) фрагментный анализ по 27 STR локусам Y-хромосомы осуществлялся на капиллярном секвенаторе AB3500x. Концентрация выделенной ДНК оценивалась на Qubit (HS).

На исследования были взяты следующие образцы:

Образец № 1 – фаланга. Обработана в 2018 г. Яма 3.

Образец № 2 – зуб «вождя» или «жреца». Обработан в 2018 г. Яма 33.

Образец № 3 – фрагмент кости. Обработан в 2019 г. Погребение 50.

Образец № 4 – зуб «вождя». Обработан в 2019 г. Яма 31.

Образец № 5 – фрагмент кости черепа «жреца». Обработан в 2019 году. Погребение 49.

Гаплогруппы определены по результатам фрагментного анализа по предиктору neugen.org (по состоянию на 29.06.2022), с учетом авторских соображений и современных данных по Волго-окскому региону. Данные приведены в формате Yfiler™ Plus (Таблица 1). В условиях высокой степени поврежденности ДНК, выводы могут считаться предварительными.

Для образца №1 значение маркера DYS385b=9 не учитывалось в силу пренебрежимо малой вероятности этого значения (в отличие от DYS385a=9, который встречается для ряда древних и современных образцов), что говорит о случайном характере столь низкого значения маркера. В абсолютном большинстве образцов современников, представленных в открытой базе FTDNA (было рассмотрено свыше нескольких тысяч), значения этого маркера выше 9.

Рис.14.

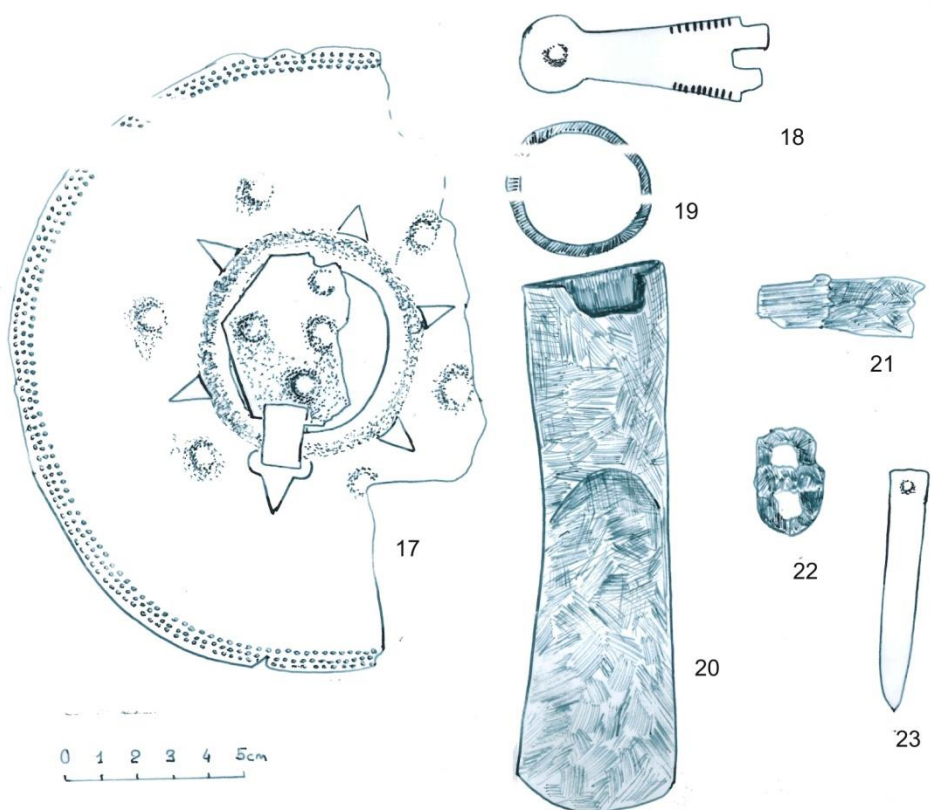
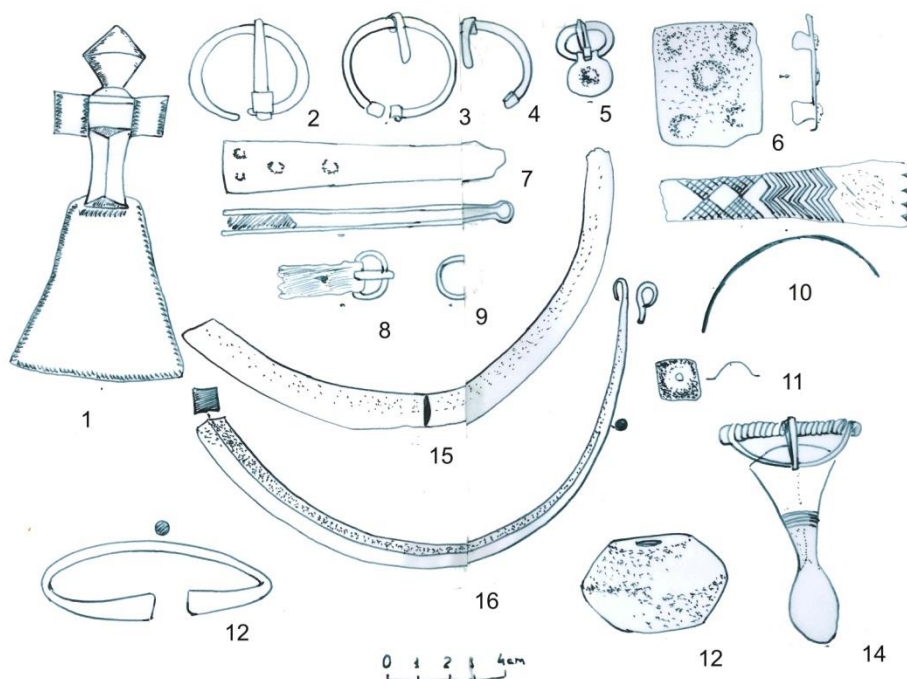

Рис. 10. Материалы из разрушенных погребений (Рис. А.Н. Гаврилов)

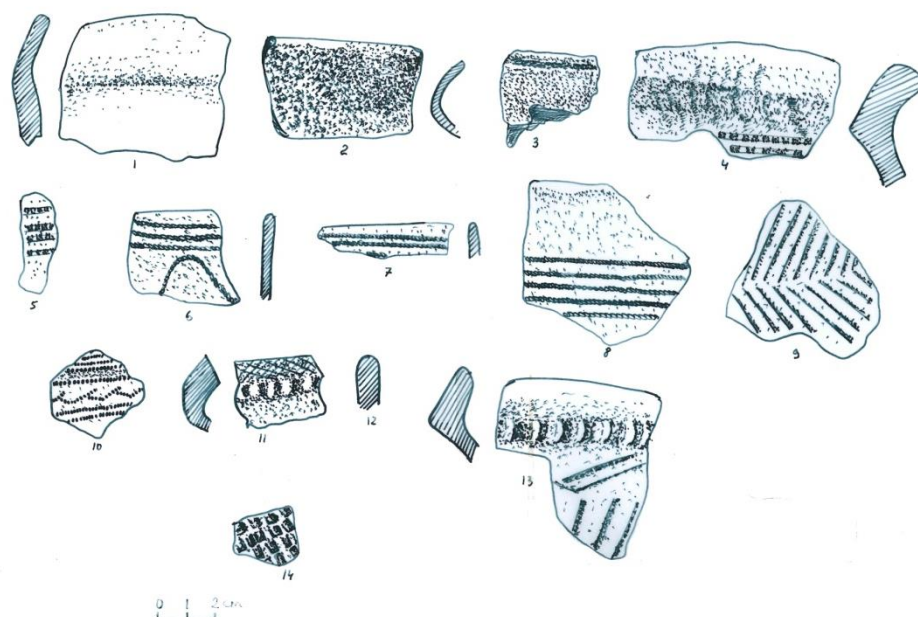

Рис. 11. Керамика из культурного слоя (Рис. А.Н. Гаврилов)

Ввиду совпадения трех маркеров у образца 2 и образца 4 (выделены), принадлежащих единому родовому ряду погребений, выдвигается гипотеза о высокой вероятности родственной связи между ними, учитывая вождеский, элитный, характер обоих захоронений. Гаплотип 2 в силу меньшего количества сохранившихся маркеров отдельно не рассматривался. Вместо него, наряду с гаплотипом 4, рассматривался гипотетический объединённый гаплотип образцов 2 и 4, полученный объединением всех маркеров от обоих гаплотипов.

Таблица 1а. Маркеры гаплотипов рассматриваемых образцов

№	Атрибуция образца	Концентрация ДНК L/S/Y, нг/мкл	Гаплогруппа (предсказанная)	Наименование и аллели STR локусов													
				393	390	19	391	385 a	385 b	439	389 I	392	389 II	458	437	448	449
1	Яма 3	(-) /0.0019/0.0030	J2a-PF5008		24			9	9		12			22			
2	Яма 33	(-) /0.044/0,041	N-Z4908-FT128965											16			
3	Погребение 50	0.00029/0.025/0.31	R1a-CTS3402								13			16			
4	Яма 31	0.073/0.0018/ (-)	N-Z4908- FT128965	13				11		10	14			16	14		
5	Погребение 49	0.00031/0.0050/0.0010	N-Y3037-P43-Y3195-Y23785					9									

Таблица 1б. Маркеры гаплотипов рассматриваемых образцов

№	Атрибуция образца	Концентрация ДНК L/S/Y, нг/мкл	Гаплогруппа (предсказанная)	Наименование и аллели STR локусов													
				460	Y-GATA-H4	456	576	570	438	481	533	635	627	518	F38781 a	F38781 b	
1	Яма 3	(-) /0.0019/0.0030	J2a-PF5008				21					24					
2	Яма 33	(-) /0.044/0,041	N-Z4908-FT128965			14	16	19				22					
3	Погребение 50	0.00029/0.025/0.31	R1a-CTS3402	10			20										
4	Яма 31	0.073/0.0018/(-)	N-Z4908- FT128965		11	14	16	19			14						
5	Погребение 49	0.00031/0.0050/0.0010	N-Y3037-P43-Y3195-Y23785			14	18			21	14						

Значение маркера DYS533=14 также встречается достаточно редко, хотя иногда отмечается в гаплотипах гаплогруппы N, где возникает случайно, вне зависимости от субклада (типичное значение – 11 или 12). Случайный «взлет» этого маркера характерен именно для N1. В процессе предикции данное значение также не учитывалось, однако для образца 5 его наличие использовалось в качестве дополнительного соображения в пользу выбора между вариантами N и O макрогаплогруппы NO. Выбор в пользу гаплогруппы N был обусловлен и полным отсутствием гаплогруппы O в древних и исчезающе малой ее долей в современных образцах Восточно-европейской равнины.

Процесс и выводы анализа сведены в [Таблицу 2](#).

Таблица 2. Выводы по отнесению результатов по Y-гаплогруппам образцов

№	Захоронение	Предсказание nevgen.org	Уточнение субклада по nevgen.org	Комментарии
1	Яма 3	J (P = 63 %)	J2-Z6048(Z6050) (P = 63 %) или J2-PF5008 (P = 25 %)	Согласно YFull, распространение J-Z6050 – Южная Европа и Ближний Восток. Для J-PF5008 характерно присутствие среди татар и распространение на Волго-окский регион. Исходя из географических соображений, второй вариант принимается в качестве предпочтительного.
3	Погребение 50	R1a (P = 34,5 %)	R1a-YP1272 (P = 37 %), R1a-M458-YP515 (P = 16 %), R1a-CTS3402 (P = 10,5 %)	Исходя из малого числа локусов и неопределенности значений предиктора, однозначное заключение затруднительно. Однако ввиду: - редкости и архаичности R1a-YP1272 (зарегистрированы считанные носители-современники), - наличия носителей-совпаденцев из села Борок и ряда других носителей, отнесенных к субкладу CTS3402-Y2613 (среди которых есть и совпадающие по всем маркерам), в качестве базовой версии принимаем отнесение к CTS3402.

				Субклад R1a-M458-YP515 согласно YFull характерен для запада Русской равнины (поляки, украинцы, белорусы). Тогда как CTS3402 чаще встречается как в западной, так и в восточной ее части, в том числе и у татар и других народов волго-окского региона.
4	Яма 31	N1 (P = 76 %)	N-Z4908-FT128965 (P = 96 %)	Данная предикция может быть принята в качестве основной. Для обеспечения еще большей надежности, при ссылке возможно указание родительского N1a-VL29.
(2)+(4)	Объединенный гаплотип родственных захоронений из ям 31, 33	N1 (P = 86,5 %)	N-Z4908-FT128965 (P = 96 %)	
5	Погребение 49	NO (P = 60 %)	N-Y3037-P43-Y3195-Y23785 (или по снипу-аналогу Z35076) (P = 53 %)	Вероятность данного результата может считаться высокой. Нетипичный всплеск значения DYS533=14 характерен для гаплогруппы N1.

Исследование ДНК позволяет дать следующую предварительную интерпретацию:

1. Субклад J2a-PF5008 связан с гаплогруппой J2a, имеющей эпицентр распространения на Ближнем Востоке и Кавказе. Однако в настоящее время, J2a в значительном количестве встречается у мордвы-мокши, а J2a-PF5008 – у поволжских татар. Возможно, мы имеем дело с признаками древней миграции со стороны Причерноморья, например, аорсов, или меотов.

2. Субклад N-Z4908-FT128965, определенный у образцов 2 и 4, указывает на восточно-балтийскую гипотезу происхождения части элиты рязано-окцев, что ставит вопрос о путях и предыстории миграции населения европейского Северо-Запада в зону сложения культуры. Следует отметить, что ветвь N-Z4908 исторически предшествует L550, которая присутствует у многих ныне живущих потомков элиты Древней Руси, включая Рюриковичей и Гедиминовичей, и, вполне возможно, что два рязано-окских образца принадлежат родственному субкладу или же ему самому в силу относительности предикции. Ввиду высокой важности изучения истории ветви L550 для понимания формирования Древней Руси, целесообразно вести дополнительные исследования данных захоронений. В случае точного обнаружения субклада L550 в рязано-окских захоронениях целесообразно ставить вопрос о возможности происхождения дружинной знати Древней Руси от военной элиты эпохи Великого Переселения Народов, существовавшей на Русской равнине.

3. Образец 3 принадлежит со значительной вероятностью к субкладу R1a-CTS3402 (балто-карпатскому), характерному для балто-славянских групп. Скорее всего, мы имеем признаки миграции из районов Центральной Европы, о чем говорят и археологические данные, или же постзарубинецкий или мощинский субстрат.

4. Образец 5 принадлежит к сибиро-пермской ветви N-Y3037-P43-Y3195-Y23785, которая характерна для финно-угорских народов Приуралья и отдельных тюркских народов Сибири. Это как раз может свидетельствовать о саргатском импульсе в формировании культуры рязано-окских могильников. Взгляд на это захоронение как на раннее жреческое в степных, постсарматских традициях, подтверждает данную точку зрения.

3. Заключение

Ввиду малой степени сохранности останков, доступных для секвенирования в рамках настоящей работы, предоставленная интерпретация ДНК-данных носит характер авторской разработки, и по мере изучения культуры рязано-окских могильников может быть улучшена или скорректирована. Тем не менее, полученные данные коррелируют с археологическим контекстом погребений и приводят к следующим соображениям.

1. Присутствие сибиро-пермской ветви в погребении 49 дает свидетельство в пользу «саргатского» фактора в сложении культуры рязано-окских могильников. Архаичность жреческих аксессуаров в захоронении, отсылающая к культам поклонения женскому началу, также свидетельствует в пользу этого. Присутствие сибиро-пермского субклада является фактором в пользу гипотезы о финно-угорском языке хотя бы части населения культуры.

2. Предикция субклада J2a в захоронении 3 говорит в пользу возможной причерноморской компоненты в сложении культуры, в частности, и о переселении племени с именем «аорсы», «арсы».

3. Достаточно надежно устанавливаемые субклады R1a-CTS3402 и N1a-VL29 указывают на северо-западную компоненту в составе культуры. Возможно, именно с ней в область сложения культуры рязано-окских могильников пришли как балтийские топонимы, так и предметы центрально-европейского обихода.

4. Выявленная ситуация может оказаться очень важной для понимания генезиса древнерусского дружинного сообщества. Элитные захоронения из ям 31 и 33 демонстрируют принадлежность к субкладу N-Z4908, по филогении предшествующему N-L550, типичному для русских и балтийских аристократических родов Высокого средневековья (в том числе, восходящих к Рюриковичам и Гедиминовичам), а захоронение из ямы 3 может относиться к племени «аорсы» или «арсы». Тогда культура рязано-окских могильников могла быть тем центром, где этноним «Русь» мог быть передан от кочевников южнорусских степей формирующимся дружинным сообществам Балтики и русского Северо-запада. Этноним «аорс» мог сохраняться вплоть до эпохи Высокого средневековья. Известен и описан каменный крест, стоявший на берегу реки Большой Егорлык около села Преградного Ставропольского края (ныне в Ставропольском краевом музее). На нем имеется русская надпись: «Помяни господи душу раба своего»; а в конце XVIII века еще читались имя «Аорус» и дата 1041 г.

5. Субклады R1a-CTS3402 и N1a-Z4908 позволяют выдвигать гипотезы и о балто-(прото)славянском характере языка части носителей культуры рязано-окских могильников.

6. Приоритетным направлением в части поиска новых аргументов в пользу связи культуры рязано-окских могильников с формирующимся древнерусским обществом может стать дальнейшее выявление носителей N1a-Z4908 и N1a-L550 среди захоронений рязано-окцев, четкое определение их дочерних ветвей и понимание их географии, поиск аналогов в древнерусских и прибалтийских захоронениях.

4. Благодарности

Проект «ДНК-история России» благодарит В. Савранского, В. Крупнова, Н. Макогонову, М. Воинова, А. Молокову, С. Ковалеву, А. Симонова, М. Комову, А. Шереметьеву, А. Семенова, О. Мокрушину, Е. Олейникову, Н. Липатникову, О. Тиняева, Г. Цветкова за содействие и поддержку в процессе осуществления данного исследования.

Литература

Ахмедов, Белоцерковская, 1998 – Ахмедов И.Р., Белоцерковская И.В. О начальной дате рязано-окских могильников. М.: Тр. ГИМ. 1998. Вып. 96.

Ахмедов, Казанский, 2004 – Ахмедов И.Р., Казанский М.М. После Аттилы. Киевский клад и его культурно-исторический контекст / *Культурные трансформации и взаимовлияния в Днепровском регионе на исходе римского времени и в раннем средневековье (доклады научной конференции)*. Санкт-Петербург, 2004.

Ахмедов, 2007 – Ахмедов И.Р. Культура рязано-окских могильников. Инвентарь мужских погребений // *Восточная Европа в середине I тысячелетия н.э.* М.: РСМ. Вып. 9., 2007.

Ахмедов, 2012 – Ахмедов И.Р. Окские крестовидные фибулы как индикаторы этнокультурных процессов в центральной России эпохи великого переселения народов // *Вояджер: мир и человек: теоретический и научно-методический журнал*. 2012. №3. Спецвыпуск к 50-летию А.В. Богачева. Самара: Самарский государственный технический университет.

Ахмедов, 2014 – Ахмедов И.Р. Некоторые индикаторы культурных взаимодействий в древностях рязано-окских финнов второй половины V – начала VI вв. Проблемы взаимодействия населения Восточной Европы в эпоху Великого переселения народов // *Раннеславянский мир*. 2014. №15.

Ахмедов, 2016 – Ахмедов И.Р. Поздние рязано-окские крестовидные фибулы и их роль в системе социально-иерархических маркеров, КСИА, 244, 2016.

Ахмедов, 2020 – Ахмедов И.Р. На одно крыло – серебряная, На другое – золотая... // Сборник статей памяти Светланы Рябцевой. Кишенев, 2020.

- Бажан, Каргопольцев, 1989** – Бажан И.А., Каргопольцев С.Ю. Об одной категории украшений-амулетов римского времени в Восточной Европе // *Советский археолог*. 1989. №3.
- Бажан, Гей, 1992** – Бажан И.А., Гей О.А. Относительная хронология могильников черняховской культуры // *Проблемы хронологии эпохи латена и римского времени*, СПб., 1992.
- Безуглов, 2000** – Безуглов С.И. Позднесарматские мечи (по материалам Подонья) / Сарматы и их соседи на Дону. Ростов-на-Дону, 2000.
- Белоцерковская, 1997** – Белоцерковская И.В. Погребения с дарами из могильника Кораблино (по материалам раскопок 1986-1991 гг.) // *Археологический сборник*. Погребальный обряд. Труды Государственного исторического музея. Вып. 93. М.: ГИМ, 1997.
- Белоцерковская, 2012** – Белоцерковская И.В. О предметах черняховской культуры в женском инвентаре рязано-окских могильников // *Евразия в скифо-сарматское время*. Памяти И.И. Гуцдиной. М., 2012. Тр. Гос. ист. музея. Вып. 191.
- Гаврилов, 1985** – Гаврилов А.Н. Работы в Шиловском, Путятинском и Чучковском районах Рязанской области // *Археологические открытия*. 1983. М., 1985.
- Гаврилов, 2018** – Гаврилов А.П. Знаки на предметах археологической культуры рязано-окских могильников // *Российская Академия наук. Институт всеобщей истории, Университет Д. Пожарского. Древнейшие государства Европы*. 2017–2018.
- Гаврилов, Конов, 2020** – Гаврилов А.П., Конов В.Д. Новый могильник рязано-окских финнов // *Археология Волго-Окского региона. Сборник тезисов круглого стола 28–29 апреля 2020 г. к юбилею И.В. Белоцерковской* / Ред. Н.А. Биркина и др. М.: ГИМ – ИА РАН.
- Гаврилов, 2022** – Гаврилов А.П. Женское погребение с особым «большим» головным убором культуры рязано-окских могильников пятого века н.э. // *Издание ИА РАН 2022* (в печати).
- Гавритухин, Обломский, 2007** – Гавритухин И.О., Обломский А.М. Восточная Европа в середине I тысячелетия н.э. М.: ИА РАН, 2007.
- Гавритухин, 2007** – Гавритухин И.О. К вопросу о верхней дате городища Зилги // *Три четверти века*. Д.В. Деопику – друзья и ученики. М., 2007.
- Голдина, Липина, 2015** – Голдина Е.В., Липина Л.И. Бусы в захоронениях воинов (по материалам Тарасовского могильника) / Ижевск: Удмуртский государственный университет, 2015.
- Гришаков, 2008** – Гришаков В.В. Условия и факторы формирования локальных традиций в древнемордовской культуре / *Археология Восточноевропейской лесостепи: Сборник материалов II Международной научной конференции, посвященной 100-летию М.Р. Полесских* / Пенза: Пензенский государственный краеведческий музей. 2008, Вып. 2. Т. II.
- Гришаков, Зубов, 2009** – Гришаков В.В., Зубов С.Э. Андреевский курган в системе археологических культур раннего железного века Восточной Европы. Казань, 2009.
- Засецкая, 1994** – Засецкая И.П. Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху (конец IV–V вв.). СПб., 1994.
- Зубов, 1998** – Зубов С.Э. К проблеме этнокультурной интерпретации памятников андреевско-писеральского типа / *Исследования П.Д. Степанова и этнокультурные процессы древности и современности. Материалы международной научной конференции, посвященной 100-летию П.Д. Степанова*. Саранск, 1998.
- Казанский, 1999** – Казанский М.М. О балтах в лесной зоне России в эпоху Великого переселения народов // *Археологические вести*. 1999. №6.
- Котигорошко, 1987** – Котигорошко В.Г. Жертвенник III–IV вв. н.э. у села Солонцы // *Советская археология*. 1987. №2.
- Макаров и др., 2012** – Макаров Н.А., Красникова А.М., Зайцева И.Е. Финские древности первой половины – середины I тыс. н.э. в Суздальском ополье // *Историко-культурное наследие и духовные ценности России. Программа фундаментальных исследований Президиума Российской академии наук*. М.: РОССПЭН, 2012.
- Марченко, Лимберис, 2011** – Марченко И.И., Лимберис Н.Ю. Меотские дротики из памятников правобережья Кубани / *Проблемы археологии Кавказа*. Сухум, 2011.
- Минаева, 1982** – Минаева Т.М. Раскопки святилища и могильника возле городища Гиляч в 1965 г. / *Древности эпохи Великого переселения народов V – VIII веков*. М., 1982.
- Могильников, 1992** – Могильников В.А. Саргатская культура // *Степная полоса азиатской части СССР в скифо-сарматское время*. М.: Наука, 1992. (Археология СССР).

Родинкова, 2007 – Родинкова В.Е. Система женского раннесредневекового убора Среднего Поднепровья (ретроспективный анализ) // *Восточная Европа в середине I тысячелетия н.э.* Раннеславянский мир, 2007, Вып. 9.

Рунич, 1976 – Рунич А.П. Захоронение вождя эпохи раннего средневековья из Кисловодской котловины // *Советский археолог.* 1976. № 3.

Смирнов, 1984 – Смирнов К.Ф. Сарматы и утверждение их политического господства в Скифии. М., 1984.

Ставицкий, 2017 – Ставицкий В.В. Абрамовский могильник: Погребение с чернолощёной керамикой // *NovaInfo.Ru.* 2017. № 59.

Сымонович, 1963 – Сымонович Э.А. Стекланные кубки III-IV вв. н.э. из Журавки // *КСИА.* 1963. Вып. 94.

Хайрединова, 2014 – Хайрединова Э.А. Хронология серег с многогранником из Крыма // *XV Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Актуальные проблемы хронологии.* Керчь, 2014.

Хейердал, 2008 – Хейердал Т. В погоне за Одним. По следам нашего прошлого. М.: Издательский дом «Менеджер», 2008.

Шаров, 1992 – Шаров О.В. Хронология могильников Ружичанка, Косаново, Данчены и проблема датировки черняховской керамики / *Проблемы хронологии эпохи латена и римского времени.* СПб., 1992.

Шевченко, 2006 – Шевченко Н.Ф. "Сарматские жрицы", или еще раз к вопросу о материнском роде у сарматов // *Вестник древней истории.* 2006. № 1 (255).

Ярцев, 2014 – Ярцев С.В. Еще раз о списке народов Эрманариха // *Серия «История. Политология. Экономика. Информатика».* 2014. № 21(192). Вып. 32.

Ebert, 1926 – Ebert M. Reallexikon der Vorgeschichte. Band XII / Berlin. 1926. Tafel 90. 11.

Kazanski, Legoux, 1988 – Kazanski M., Legoux R. Contribution à l'étude des témoignages archéologiques des Goths en Europe Orientale à l'époque des Grandes Migrations: la chronologie de la culture de Cernjachow recente // *Archeologie Medievale.* 1988. T. XVIII.

Kazanski, 1993 – Kazanski M. Les objets orientaux de l'époque des Grandes Migrations découverts dans le couloirs rhodanien // *Antiquités Nationales.* 25. Saint-Germain-en-Laye. 1993.

L'Or, 2000 – L'Or des princes barbares: Du Caucase à la Gaule Ve siècle après J.C. Paris, 2000.

Mastykova, 1997 – Mastykova A. Some aspects of the glass beads study / Third Annual Meeting of the European Association of Archaeologists. Abstracts. Ravenna, 1997.

Périn, 1995 – Périn P. Les tombes de «chefs» du début de l'époque mérovingienne: Datation et interprétation historique // *La noblesse romaine et les chefs barbares du IIIe au VIIe siècle.* Tome IX des mémoires publiées par A.F.A.M. Conde-sur-Noireau. (36/37), 1995.

Tejral, 1986 – Tejral J. Fremde Einflüsse und kulturelle Veränderungen nördlich der mittlerer Donau zu Beginn der Völkerwanderungszeit // *Peregrinatio Gothica (Archaeologia Baltica. VII).* Łódź: 1986.

Tejral, 1997 – Tejral, J. (1997). Neue Aspekte der frühvölkerwanderungszeitlichen Chronologie im Mitteldonauraum. Neue Beiträge zur Erforschung der Spätantike im mittleren Donaauraum. Brno.

References

Ahmedov, 2007 – Ahmedov, I.R. (2007). Kul'tura rjazano-okskih mogil'nikov. Inventar' muzhskih pogrebenij [The culture of Ryazan-Oka burials. The inventory of male burials]. Vostochnaja Evropa v seredine I tysjacheletija n.e. M.: RSM. Vyp. 9. [in Russian]

Ahmedov, 2012 – Ahmedov, I.R. (2012). Okskie krestovidnye fibuly kak indikatory etnokul'turnyh processov v central'noj Rossii jepohi velikogo pereselenija narodov [The cross-shaped fibulae of Oka as the indicators of ethnic-cultural processes in the Central Russia in the Great Migrations time]. *Vojadzher: mir i chelovek: teoreticheskij i nauchno-metodicheskij zhurnal.* 3. Specvypusk k 50-letiju A.V. Bogacheva. Samara: Samarskij gosudarstvennyj tehničeskij universitet. [in Russian]

Ahmedov, 2014 – Ahmedov, I.R. (2014). Nekotorye indikatory kul'turnyh vzaimodejstvij v drevnostjah rjazano-okskih finnov vtoroj poloviny V – nachala VI vv. Problemy vzaimodejstvija naselenija Vostočnoj Evropy v jepohu Velikogo pereselenija narodov [Some indicators of the cultural communications of Ryazan-Oka Finns from the second half of 5th – beginning of 6th

centuries AD. The problems of interaction among the populations of Eastern Europe in the Great Migrations time]. *Rannelslavjanskij mir*. 15. [in Russian]

Ahmedov, 2016 – *Ahmedov, I.R.* (2016). Pozdnie rjazano-okskie krestovidnye fibuly i ih rol' v sisteme social'no-ierarhicheskikh markerov [Late cross-shaped Ryazan-Oka fibulae and their role in the social-hierarchical marker system]. *KSLA*. 244. [in Russian]

Ahmedov, 2020 – *Ahmedov, I.R.* (2020). Na odno krylo – serebrjanaja, Na drugoe – zolotaja... [One wing is silver, the other is golden]. *Sbornik statej pamjati Svetlany Rjabcevoj*. Kishenev. [in Russian]

Ahmedov, Belocerkovskaja, 1998 – *Ahmedov, I.R., Belocerkovskaja, I.V.* (1998). O nachal'noj date rjazano-okskih mogil'nikov [On the starting data of Ryazan-Oka Burials]. M.: Tr. GIM. Vyp. 96. [in Russian]

Ahmedov, Kazanskij, 2004 – *Ahmedov, I.R., Kazanskij, M.M.* (2004). Posle Attily. Kievskij klad i ego kul'turno-istoricheskij kontekst [After Attila: Kievan hoard and its cultural and historical contexts]. Kul'turnye transformacii i vzaimovlijanija v Dneprovskom regione na ishode rimskogo vremeni i v rannem srednevekov'e (doklady nauchnoj konferencii), Sankt-Peterburg. [in Russian]

Bazhan, Gej, 1992 – *Bazhan, I.A., Gej, O.A.* (1992). Otnositel'naja hronologija mogil'nikov chernjahovskoj kul'tury [The relative chronology of Chernyakhov culture burials]. *Problemy hronologii jepohi latena i rimskogo vremeni*, SPb. [in Russian]

Bazhan, Kargopol'cev, 1989 – *Bazhan, I.A., Kargopol'cev, S.Ju.* (1989). Ob odnoj kategorii ukrashenij-amuletoev rimskogo vremeni v Vostochnoj Evrope [On one category of amulets-jewelry of Roman times in Eastern Europe]. *Sovetskij arheolog*. 3. [in Russian]

Belocerkovskaja, 1997 – *Belocerkovskaja, I.V.* (1997). Pogrebenija s darami iz mogil'nika Korablino (po materialam raskopok 1986-1991 gg.) [Burials with gifts in Korablino burial ground (according to excavations of 1986-1991)]. *Arheologicheskij sbornik. Pogrebal'nyj obrjad. Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeja*. Vyp. 93. M.: GIM. [in Russian]

Belocerkovskaja, 2012 – *Belocerkovskaja, I.V.* (2012). O predmetah chernjahovskoj kul'tury v zhenskom inventare rjazano-okskih mogil'nikov [On the Chernyakhov culture artefacts in the female inventory of Ryazan-Oka burials]. *Evracija v skifo-sarmatskoe vremja. Pamjati I.I. Gushhinoj*. M. Tr. Gos. ist. muzeja. Vyp. 191. [in Russian]

Bezuglov, 2000 – *Bezuglov, S.I.* (2000). Pozdnesarmatskie mechi (po materialam Podon'ja) [Late Sarmatian swords according to Don materials]. *Sarmaty i ih sosedi na Donu*. Rostov-na-Donu. [in Russian]

Ebert, 1926 – *Ebert, M.* (1926). Reallexikon der Vorgeschichte [Real Lexicon of Prehistory]. Band XII. Berlin. 1926. Tafel 90. 11. [in German]

Gavrilov, 1985 – *Gavrilov, A.N.* (1985). Raboty v Shilovskom, Putjatinskom i Chuchkovskom rajonah Rjazanskoj oblasti [Works in Shilovo, Putyatino, and Chuchkovo districts in Ryazan area]. *Arheologicheskie otkrytija*. 1983. M. [in Russian]

Gavrilov, 2018 – *Gavrilov, A.P.* (2018). Znaki na predmetah arheologicheskoj kul'tury rjazano-okskih mogil'nikov [Signs on artefacts of Ryazan-Oka archaeological culture]. *Rossijskaja Akademija nauk. Institut vseobshhej istorii, Universitet D. Pozharskogo. Drevnejshie gosudarstva Evropy*. 2017–2018. [in Russian]

Gavrilov, 2022 – *Gavrilov, A.P.* (2022). Zhenskoe pogrebenie s osobym «bol'shim» golovnym uborom kul'tury rjazano-okskih mogil'nikov pjatogo veka n.je. [A female burial with special big headgear of the Ryazan-Oka burials culture of the 5th century AD]. *Izdanie IA RAN*. (v pechati). [in Russian]

Gavrilov, Konov, 2020 – *Gavrilov, A.P., Konov, V.D.* (2020). Novyj mogil'nik rjazano-okskih finnov [A new burial ground of Ryazan-Oka Finns]. *Arheologija Volgo-Okskogo regiona. Sbornik tezisov kruglogo stola 28–29 aprelya 2020 g. k jubileju I.V. Belocerkovskoj*. Red. N.A. Birkina i dr. M.: GIM – IA RAN. [in Russian]

Gavrituhin, 2007 – *Gavrituhin, I.O.* (2007). K voprosu o verhnej date gorodishha Zilgi [On the upper dating of Zilgi settlement]. *Tri chetverti veka. D.V. Deopiku – druz'ja i ucheniki*. M. [in Russian]

Gavrituhin, Oblomskij, 2007 – *Gavrituhin, I.O., Oblomskij, A.M.* (2007). Vostochnaja Evropa v seredine I tysjacheletija n.je. [Eastern Europe in the middle of the first millennium AD]. M.: IA RAN. [in Russian]

[Goldina, Lipina, 2015](#) – Goldina, E.V., Lipina, L.I. (2015). Busy v zahoronenijah voinov (po materialam Tarasovskogo mogil'nika) [Beads in warriors' burials (according to the materials of Tarasovsky burial)]. Izhevsk: Udmurtskij gosudarstvennyj universitet. [in Russian]

[Grishakov, 2008](#) – *Grishakov, V.V.* (2005). Uslovija i faktory formirovanija lokal'nyh tradicij v drevnemordovskoj kul'ture [The conditions and factors of forming of local traditions in ancient Mordovian culture]. *Arheologija Vostochnoevropejskoj lesostepi: Sbornik materialov II Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, posvjashhennoj 100-letiju M.R. Polesskih*. Penza: Penzenskij gosudarstvennyj kraevedcheskij muzej. Vyp.2. T. II. [in Russian]

[Grishakov, Zubov, 2009](#) – *Grishakov, V.V., Zubov, S.Je.* (2009). Andreevskij kurgan v sisteme arheologicheskikh kul'tur rannego zheleznogo veka Vostochnoj Evropy. [Andreevsky mound in the system of archaeological cultures of early Iron Age in Eastern Europe]. Kazan'. [in Russian]

[Hajredinova, 2014](#) – *Hajredinova, Je.* (2014). A. Hronologija sereg s mnogogrannikom iz Kryma [The chronology of earrings with polyhedrons from the Crimea]. *XV Bosporskie chtenija. Bospor Kimmerijskij i varvarskij mir v period antichnosti i srednevekov'ja. Aktual'nye problemy hronologii*. Kerch'. [in Russian]

[Hejerdal, 2008](#) – *Hejerdal, T.* (2008). V pogone za Odinom. Po sledam nashego proshlogo. [Following the Woden. In search of our past]. M.: Izdatel'skij dom «Menedzher». [in Russian]

[Jarcev, 2014](#) – *Jarcev, S.V.* (2014). Eshhe raz o spiske narodov Jermanariha [One more time on the Ermanaric's list of peoples]. *Seriya «Istorija. Politologija. Jekonomika. Informatika»*. 21(192). Vyp. 32. [in Russian]

[Kazanski, 1993](#) – *Kazanski, M.* (1993). Les objets orientaux de l'époque des Grandes Migrations découverts dans le couloirs rhodanien [Oriental objects from the time of the Great Migrations discovered in the Rhone corridors]. *Antiquités Nationales*. 25. Saint-Germain-en-Laye. [in French]

[Kazanski, Legoux, 1988](#) – *Kazanski, M., Legoux, R.* (1988). Contribution à l'étude des temoignages archeologiques des Goths en Europe Orientale a l'époque des Grandes Migrations: la chronologie de la culture de Cernjachow recente [Contribution to the study of the archaeological evidence of the Goths in Eastern Europe at the time of the Great Migrations: the chronology of the recent Cernjachow culture]. *Archeologie Medievale*. 1988. T. XVIII. [in French]

[Kazanskij, 1999](#) – *Kazanskij, M.M.* (1999). O baltah v lesnoj zone Rossii v jepohu Velikogo pereselenija narodov [On Balts in the forest zone of Russia in Great Migrations time]. *Arheologicheskie vesti*. 6. [in Russian]

[Kotigoroshko, 1987](#) – *Kotigoroshko, V.G.* (1987). Zhertvennik III–IV vv. n.je. u sela Soloncy [The altar of 3rd-4th centuries AD near Solontsy]. *Sovetskaja arheologija*. 2. [in Russian]

[L'Or, 2000](#) – *L'Or des princes barbares: Du Caucase à la Gaule Ve siècle après J.C.* Paris [The Gold of the Barbarian Princes: From the Caucasus to Gaul 5th Century A.D. Paris]. 2000. [in French]

[Makarov i dr., 2012](#) – *Makarov, N.A., Krasnikova, A.M., Zajceva, I.E.* (2012). Finskie drevnosti pervoj poloviny – serediny I tys. n.je. v Suzdal'skom opol'e [Finnish artefacts of the first half – middle of the first millennium AD in Suzdal Opol'e]. *Istoriko-kul'turnoe nasledie i duhovnye cennosti Rossii. Programma fundamental'nyh issledovanij Prezidiuma Rossijskoj akademii nauk*. M.: ROSSPJeN. [in Russian]

[Marchenko, Limberis, 2011](#) – *Marchenko, I.I., Limberis, N.Ju.* (2011). Meotskie drotiki iz pamjatnikov pravoberezh'ja Kubani [Meotian darts from the right bank of the Kuban River]. *Problemy arheologii Kavkaza*. Suhum. [in Russian]

[Mastykova, 1997](#) – *Mastykova, A.* (1997). Some aspects of the glass beads study. Third Annual Meeting of the European Association of Archaeologists. Abstracts. Ravenna.

[Minaeva, 1982](#) – *Minaeva, T.M.* (1982). Raskopki svjatilishha i mogil'nika vozle gorodishha Giljach v 1965 g. [The excavations of the sanctuary and the burial ground near Gilyach settlement in 1965]. *Drevnosti jepohi Velikogo pereselenija narodov V – VIII vekov*. M. [in Russian]

[Mogil'nik ov, 1992](#) – *Mogil'nikov, V.A.* (1992). Sargatskaja kul'tura [Sargat culture] Stepnaja polosa aziatskoj chasti SSSR v skifo-sarmatskoe vremja. M.: Nauka. (Arheologija SSSR). [in Russian]

[Périn, 1995](#) – *Périn, P.* (1995). Les tombes de «chefs» du début de l'époque mérovingienne: Datation et interprétation historique [The tombs of "chiefs" of the early Merovingian period:

Dating and historical interpretation]. La noblesse romaine et les chefs barbares du IIIe au VIIe siècle. Tome IX des mémoires publiées par A.F.A.M. *Conde-sur-Noireau*. (36/37). [in French]

Rodinkova, 2007 – *Rodinkova, V.E.* (2007). Sistema zhenskogo rannesrednevekovogo ubora Srednego Podneprov'ja (retrospektivnyj analiz) [System of the female Early Middle Age garment form the Middle Dnieper (retrospective analysis)]. *Vostochnaja Evropa v seredine I tysjacheletija n.je. Ranneslavjanskij mir*. 9. [in Russian]

Runich, 1976 – *Runich, A.P.* (1976). Zahoronenie vozhdja jepohi rannego srednevekov'ja iz Kislovodskoj kotloviny [The burial of the chieftain of the Early Middle Age times from Kislovodsk basin]. *Sovetskij arheolog*. 3. [in Russian]

Sharov, 1992 – *Sharov, O.V.* (1992). Hronologija mogil'nikov Ruzhichanka, Kosanovo, Dancheny i problema datirovki chernjahovskoj keramiki [The chronology of Ruzhichanka, Kosanovo, Dancheny burials and the problem of Chernyakhov ceramics dating]. *Problemy hronologii jepohi latena i rimskogo vremeni*. SPb. [in Russian]

Shevchenko, 2006 – *Shevchenko, N.F.* (2006). "Sarmatskie zhricy", ili eshhe raz k voprosu o materinskom rode u sarmatov [Sarmatian priestesses or one more time on the maternal kin of Sarmatians]. *Vestnik drevnej istorii*. 1(255). [in Russian]

Smirnov, 1984 – *Smirnov, K.F.* (1984). Sarmaty i utverzhdenie ih politicheskogo gospodstva v Skifii. [Sarmatians and establishment of their political dominance in Scythia]. M. [in Russian]

Stavickij, 2017 – *Stavickij, V.V.* (2017). Abramovskij mogil'nik: Pogrebenie s chernoloshhjonoy keramikoj [Abramovsky burial ground: a burial with black ceramics]. *NovaInfo.Ru*. 59. [in Russian]

Symonovich, 1963 – *Symonovich, Je.A.* (1963). Stekljannye kubki III-IV vv. n.je. iz Zhuravki [Glass Beakers of the 3rd and 4th centuries AD from Zhuravka]. *KSIA*. 94. [in Russian]

Tejral, 1986 – *Tejral, J.* (1986). Fremde Einflüsse und kulturelle Veränderungen nördlich der mittlerer Donau zu Beginn der Völkerwanderungszeit [Foreign influences and cultural changes north of the middle Danube at the beginning of the Migration Period]. *Peregrinatio Gothica (Archaeologia Baltica. VII)*. Łódź. [in German]

Tejral, 1997 – *Tejral, J.* (1997). Neue Aspekte der frühvölkerwanderungszeitlichen Chronologie im Mitteldonauraum [New Aspects of the Early Migration Period Chronology in the Middle Danube Region]. *Neue Beiträge zur Erforschung der Spätantike im mittleren Donauraum*. Brno. [in German]

Zaseckaja, 1994 – *Zaseckaja, I.P.* (1994). Kul'tura kochevnikov juzhnorusskih stepej v gunnskuju epohu (konec IV–V vv.) [The culture of Southern Russian Steppe nomads in Hunnic times (end of the 4th – 5th centuries AD)]. SPb. [in Russian]

Zubov, 1998 – *Zubov, S.Je.* (1998). K probleme jetnokul'turnoj interpretacii pamjatnikov andreevsko-piseral'skogo tipa [On the problem of ethnic-cultural interpretation of andreevsko-piseral'sky type archaeological sites]. *Issledovanija P.D. Stepanova i jetnokul'turnye processy drevnosti i sovremennosti. Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, posvjashhennoj 100-letiju P.D.Stepanova*. Saransk. [in Russian]

Культура рязано-окских могильников. Результаты изучения комплекса Ундрих

Александр Петрович Гаврилов^a, Александр Сергеевич Семёнов^{b,*}

^a Российская Академия Естествознания, Российская Федерация

^b Проект «ДНК-история России», Российская Федерация

Аннотация. Изучение культуры рязано-окских могильников, или как чаще её стали именовать в последнее время, рязано-окской культуры насчитывает уже более 100 лет. Основной её ареал – Среднее Поочье, с существенной тенденцией доминирования в Волго-окском междуречье с первых веков нашей эры и до 60-х годов седьмого века нашей эры.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: semyonov1980@mail.ru (А.С. Семёнов), museum2008@rambler.ru (А.П. Гаврилов)

Настоящая работа – первая по изучению ДНК рязано-окцев в контексте миграционных и этнических процессов. Получены первые результаты и сформулированы приоритетные задачи для дальнейших исследований.

ДНК-данные продемонстрировали разнонаправленный характер связей рязано-окцев. Были выявлены линии, указывающие на связь с сибиро-пермским регионом (что коррелирует с наличием саргатских истоков у данной культуры), на связь с Причерноморьем (что коррелирует с наличием в культуре потомков меотов или аорсов). Особое внимание заслуживают линии, связывающие данную культуру с северо-западом Русской равнины. Это позволяет ставить вопросы о взаимосвязи данной культуры и процессами формирования древнерусского дружинного сообщества.

Ключевые слова: ДНК, Y-гаплогруппа, культура рязано-окских могильников, Шилово, готы, древние захоронения, угро-финны, праславяне.